

Бесѣда.— Текущая жизнь.— На помощь
семьѣ и школѣ — Обо всемъ.

Сентябрь.

1910 г.

БЕСѢДА.

I.

Родное недомысліе.

Ни у кого нѣтъ такой путаницы понятій, какъ у русскаго интеллигента. Недаромъ европейцы съ удивленіемъ слушаютъ либеральныя разглагольствованія русскихъ людей, старающихся щегольнуть своей просвѣщенностью... Здравомыслящимъ европейцамъ эти разсужденія кажутся прямо дикими, ибо на Западѣ отлично понимаютъ разницу между дѣйствительностью и мечтами, между желаемымъ и существующимъ и, достигая осуществленія перваго, тамъ не забываютъ жизни и считаются съ нею. Тамъ не впадаютъ въ ошибку, каковой у насъ не чужды не только заурядные болтуны, но и люди философской мысли.

Возьмите социалистовъ на Западѣ и у насъ. Я говорю, конечно, о серьезныхъ дѣятеляхъ этого лагеря, а не о той „черни“, которая примазывается къ социалистическому флагу. Западные социалисты не теряютъ чувства патриотизма и, когда надо, способны сливаться своими стремленіями съ интересами всей родины, никогда не вредя ей, не

перекидываясь на сторону враговъ ея. Вѣдь только у насъ возможно такое явленіе: русскіе люди желали поражения русской армии и посылали микадо сочувственныя депеши, національные траурные дни обращали въ праздники... Вѣдь только у насъ могутъ задавать вопросы: обязательна ли защита родины, можно ли называть героями убійцъ (т.е. воиновъ), нужно ли воспитывать военный духъ въ юношествахъ. Вѣдь только у насъ возможно такое пренебрежительное отношеніе къ армии, какое-то злобное чувство къ тѣмъ, кто проливаетъ кровь за отечество...

А отчего?

Да оттого, что мы еще со страницъ дѣтскихъ журналовъ, на школьной скамьѣ, уже десятки лѣтъ, старались отравлять дѣтскіе умы и сердца неправильнымъ отношеніемъ къ войнѣ, къ военнымъ, извращали понятіе о святомъ долгѣ — защитѣ родины. До какихъ геркулесовыхъ столбовъ глупости доходили либералы въ этомъ отношеніи, — ясно, напр., изъ такого маленькаго факта. Въ 1881 или 82 году я напечаталъ въ одномъ дѣтскомъ журналѣ рядъ очерковъ - воспоминаній „Армія и казаки“. Эти очерки потомъ вышли отдѣльной книгой подъ названіемъ „Изъ золотого дѣтства“. Въ простыхъ, правдивыхъ наброскахъ я разсказалъ „какъ мы играли въ солдатики“. Эта книжка такъ пришлась по вкусу французамъ, что они ее перевели и въ изданіи Гашета — прекрасномъ, роскошномъ изданіи — она разошлась тамъ въ большомъ количествѣ и вошла въ число наградныхъ книгъ ученикамъ городскихъ школъ. А какъ были встрѣчены эти наброски нашей куцей либеральной газетной критикой? Рецензентъ одной петербургской газеты напалъ съ пѣной у рта на журналъ, который далъ мѣсто моимъ разсказамъ. Помилуйте! Шовинизмъ, проповѣдь войны, запахъ военщины, стараніе увлечь юношество вредными идеями и отвлечь его съ пути мирнаго труда на путь солдатчины... Для этого-ли-де работалъ Милютинъ, превращая кадетскіе корпуса въ военныя гимназіи и пр. и пр. Вздору наговорено съ цѣлымъ коробъ. А покойный Минаевъ даже эпиграмму сочинилъ на меня и поострилъ... какъ могъ уже острить во дни упадка и ослабленія своего таланта.

Я знаю многихъ либеральныхъ маменекъ, которыя стыдился дарить своимъ дѣтямъ мою книжку: „развѣ можно въ дѣтяхъ развивать и поощрять военныя наклонности!“ Но дѣтямъ разсказы нравились, и въ концѣ-концовъ книжка пробилась себѣ широкій ходъ на литературномъ рынкѣ, обогащая издателей. Я знаю даже такой фактъ. Одна маменька, уступая настойчивому желанію дѣтей, купила мою книжку. И вотъ за чтеніемъ ея засталъ гость — либеральный педагогъ.

— Что это читаютъ съ такимъ восхищеніемъ ваши дѣти? — спросилъ онъ.

— Это.. „Армія и казаки“... Ахъ, я не сочувствую... я такъ долго боролась... но они... мнѣ надоѣли... и я уступила... Она путалась, оправдываясь. Либеральный педагогъ сдѣлать гримасу и произнесъ:

— Мм... да!.. Нежелательно... шовинизмъ... Но... это послѣ... пройдетъ....

Онъ не кончилъ, но улыбка его договорила:

— Послѣ мы... это... вытравимъ...

И вытравляютъ...

А имъ, этимъ „вытравителямъ шовинизма“, помогаютъ и писатели-интеллигенты и тѣ „самоучки“, которые не могутъ усвоить правильнаго взгляда на вопросъ и въ своемъ желаніи не отстать отъ „сливокъ мыслящаго общества“, выпускаютъ глупыя книжонки, въ полной надеждѣ, что этими книжонками они служатъ „великой идеѣ любви“.

Одною изъ такихъ книжонокъ являются и „Пѣсни мира“, издан. товариществомъ „Возрожденіе“. Правильнѣе было бы: „Недомыслие“. Но, очевидно, издатели воображаютъ, что они защищаютъ высшую гуманность. Одно недомысліе, ибо эта гуманность очень дешеваго свойства, и если не всегда означаетъ трусость, оправданіе своего уклоненія отъ долга, то часто желаніе забросить ядъ въ душу неустойчивыхъ людей. Я отношу это не прямо къ названной книжкѣ, а вообще къ подобной проповѣди. Авторы же указанной книжки неосмысленно дѣйствовали по недомыслию,—ибо одинъ изъ нихъ,—поэтъ Варлыгинъ—даже прямо противорѣчить самъ себѣ. Мутная волна захлеснула многихъ и, конечно, прежде всего слабыхъ, каковыми являются писатели изъ народа, лишенные по своему образованію и развитію возможности противостоять сильному слову антирусской пропаганды. Пропагандисты столь ловки, что они обошли простецовъ, умѣло играя на затаенныхъ чувствахъ, и вотъ вамъ причина—почему недавніе сотрудники „Моск. Вѣд.“ и духовныхъ журналовъ запѣли по другому камертону и даже начали появляться въ крайне лѣвой печати...

Но обратимся къ сборнику „Пѣсни мира“.

Онъ открывается стихами Д. П. Варлыгина, который говоритъ:

Мой гимнъ не бранному мечу (а какому же?),
 Не побѣдителя-герою.
 Ихъ лавры видя, я молчу,
 Страдая сердцемъ и душою.
 Я славлю миръ, священный миръ,
 Согрѣтый братскою любовью,
 И не запятнанъ мой кумиръ
 Враждой, предательствомъ и кровью...

И т. д.

Понимаетъ ли поэтъ изъ народа, что онъ говорить? Какой оумиръ можетъ быть запятнанъ предательской кровью?

Экспроприаторовъ и бандитовъ что ли имѣеть въ виду поэтъ? Герои же меча кровью не пятнаются и о предательской крови не можетъ быть и рѣчи. Поэтъ, очевидно, забылъ такихъ героевъ, какъ Суворовъ, Скобелевъ, забылъ то, что на поле битвы послалъ своихъ иноковъ-воиновъ Св. Сергій. Поэтъ забылъ даже собственные свои стихи, которые ему мы и напомнимъ:

Кто Суворова не знаетъ?
Послѣ Руси и Царя
Это имя повторяетъ
Каждый, храбростью горя!
Нашъ онъ, нашъ герой любимый!..
Наша слава..

Духъ безсмертнаго героя
Движетъ Русью боевою
И гремитъ на цѣлый свѣтъ...
И пока Суворовъ славный
Въ русскомъ сердцѣ будетъ жить,
Нашей Руси православной
Никому не побѣдит!

Что же это: гимнъ или нѣтъ? Почему же Суворовъ — герой любимый? Наша слава? Куда и на что велъ свои дружины Суворовъ? Какъ видите, поэтъ не молчалъ, а воспѣвалъ героевъ меча. Очевидно, г. Варлыгинъ самъ не знаетъ, что онъ говоритъ, желая кому-то нынѣ угодить и казаться не тѣмъ, что онъ есть. Но вѣдь бессознательная чепуха можетъ вредить тому, кто ее будетъ читать! Впрочемъ, эти стихи Варлыгина ничего, а вотъ неужодно ли еще:

„Можетъ быть, *объятымъ битвой,*
Утопающимъ въ крови—
Прозвучитъ она (пѣсня) молитвой,
Призывающей къ любви.
И написанное кровью
Люди съ *вѣрою* прочтутъ:
Тамъ, гдѣ жизнь цвѣтетъ любовью—
Сердце миру отдають“.

Въ какой „крови утопающимъ“, г. поэтъ? Вѣдь часто не въ своей ли собственной? Не свою ли „душу кладутъ за други своя...“? Не высшая ли это любовь? Не шире ли той трусливой, которая прячется боязливо и не прольетъ крови даже тогда, когда надо защитить угнетаемаго, убиваемаго? Очевидно, поэтъ въ своей погонѣ за дешевой мѣщанской любовью забылъ великую любовь, когда кладутъ душу за ближняго, жертвуютъ за него своею жизнью!..

Но что стихи Варлыгина. Въ книгѣ есть и еще лучше. Прочтите:

Сломаемъ копья и мечи!
Вѣдь люди мы—не палачи!

Это восклицаетъ М. Савинъ, если не ошибаемся, бывши редакторъ какой-то газеты булочниковъ.

Но развѣ воинъ и палачъ синонимы? Развѣ воинъ кого казнить? Развѣ онъ только убиваетъ, а не самъ идетъ на смерть? И что же, по мнѣнью г. Савина: всѣ наши славные герои—палачи? А Св. Сергии, посылавши иноковъ на войну за родину? Продумалъ ли все г. поэтъ—и редакторъ газеты булочниковъ? Я уже не говорю о томъ, что надо было подумать и о формѣ стиха, чтобы не писать такой глупицы:

*Съ душою мирной, взоромъ слезъ
Сольемся въ дружныя объятя...*

Но о формѣ и вообще о достоинствѣ „Пѣсень мира“—какъ поэтическихъ творенихъ—не будемъ говорить. Онѣ—просто плохи. И, конечно, если бы не *сущность пѣсенъ*, не цѣль, съ какою онѣ изданы,—я бы о книжкѣ не сталъ и упоминать. Но она имѣетъ въ виду проповѣдь *мира*, такъ сказать—пацифизмъ... Но что такое пацифизмъ? *)

II.

Война и миръ.

Вспомните опредѣленіе пацифизма, данное на одной лекціи въ Рус. Собраніи: проповѣдь пацифизма есть проповѣдь безсилія. Пацифисты забываютъ, что война послѣ долгаго мира есть провѣрка силъ страны и часто освѣжительна какъ гроза. Война создала первоначальную культуру человечества, побудивъ человечество объединяться для взаимной защиты отъ враговъ. Войны дали свободу многимъ народамъ. Даже поражение не всегда губительно: многихъ народовъ оно приводитъ къ возрожденію, какъ иногда тяжелый недугъ приводитъ къ обновленію и укрѣпленію организма человѣка. Развитіе пацифизма — спутникъ слабости народовъ.

*) Для показанія достоинствъ пѣсенъ, приведу слѣд. четверостише г. Коробова:

За бранныя блага земли
Мы боремся дружно и стойко;
Одно забываемъ мы только:
Бороться за благо любви.

Одно забыть „поэтъ“: „земли и любви“, „только и стойко“ совсѣмъ не шены. Въ 4-хъ строкахъ—четыре такія *рифмы*. Это много и для самоучки.

Но, признавъ войну даже зломъ, нельзя же бороться съ нимъ проповѣдью „непротивленія“, униженіемъ воинской доблести и низведеніемъ роли защитника родины до роли... палача. Такъ бороться можетъ только умственное недомысліе или та преднамѣренность, которая хочетъ съ *извѣстной цѣлью* опозорить и упразднить патриотизмъ. Патриотизмъ— свойство сильныхъ, здоровыхъ народовъ. Сильные, здоровые народы любятъ свою славу, любятъ свое прошлое, даже если оно полно скорби. Это глубоко вѣрно: пока прошлое живо въ памяти народной— оно будетъ подвигать народъ по пути приобретенія новой славы, будетъ укрѣплять народную мощь. Если поэты будутъ унижать героизмъ, а въ школахъ учить, что стыдно пѣть гимны храбрымъ героямъ („мой гимнъ не бранному мечу“), что воинъ и палачъ почти одно и то же... то народъ забудетъ свое великое прошлое. Оно перестанетъ его увлекать, волновать, — оно перестанетъ существовать для народа. Но у такого народа не *станетъ и будущаго*. Надо не гасить, а воспламенить въ сердцахъ любовь къ родинѣ,—любовь, которая заставляетъ не дорожить даже жизнью ради родины.

Согласимся, что:

„Война зло, непобѣжденное добромъ“.

Но оно есть — и неизбежны его послѣдствія. И надо помнить, что миръ, купленный цѣною позора родины — зло худшее, чѣмъ война.

Слѣдовательно надо идти на войну и защищать родину отъ ея враговъ. Она священна, эта защита всего добытаго кровью предковъ, защита всего дорогого сердцу. Это не подлое убійство изъ-за угла, практикуемое революционерами, — не убійство беззащитнаго человѣка,—это народный поединокъ, гдѣ обѣ стороны одинаково жертвуютъ своею жизнью... Даже признавая постоянный миръ благомъ, идеаломъ, нельзя называть войну убійствомъ, унижать высокое званіе воина и воспитывать въ молодежи отвращеніе къ защитѣ родины. Вѣдь это значитъ лишать страну стойкихъ, горячихъ, беззавѣтно-храбрыхъ гражданъ, готовыхъ умереть за родныхъ „святыхъ“, и умереть съ сознаниемъ, что они совершаютъ великое, святое дѣло, что ихъ благословляетъ страна, что ихъ памяти — слава, лавры и гимны. Вѣдь *настроеніе* значитъ много, и оно сыграло большую роль въ послѣдней войнѣ... Развѣ у воиновъ, бившихся въ Турецкую кампанію, было то же настроеніе, то же сознание, что и у сражавшихся съ японцами? Развѣ до тѣхъ и до другихъ съ родины доносились одни и тѣ же слова, пѣсни? Палачъ и воинъ не одно и то же, и если васъ, идущаго на смерть за родину, обзываютъ убицей, палачомъ, радуются вашему позору, поражению, я думаю, вы переживаете со-

всѣмъ не то, что переживаютъ воины, которыхъ считаютъ доблестными защитниками, которымъ шлютъ благословеніе, побѣдѣ которыхъ радуются. Ложная проповѣдь „непротивленія“ злу и воспѣваніе героевъ мира, отказывающихся итти на защиту родины, сдѣлала то, что началъ угасать воинственный духъ, и появились „мученики“ идеи мира. Но вѣдь христіане первыхъ вѣковъ шли на войну, не боялись *убійства*. Почему? Да потому, что они шли прежде всего не убивать, а умирать. Св. Сергій послалъ на войну иноковъ и благословилъ князя и его войско. То же самое сдѣлалъ и Савва Сторожевскій. Ужели *они оба* менѣе понимали духъ христіанства, чѣмъ современные пацифисты, приравнивающие воина къ палачу? Бились наши дѣды и прадѣды — и святые подвижники благословляли ихъ, идущихъ на войну. Что же: всѣ они были далеки отъ христіанской истины, понятой только господами Савиными!

Не войну, какъ войну защищаю я; — не противъ проповѣди мира, вообще возстаю. Но вѣдь надо же умѣть проповѣдывать миръ, надо самому поднестися на высоту, чтобы учить стоящихъ внизу. Гигіена хороша и полезна. Но можно ли утверждать, что при самомъ широкомъ развитіи гигіены и ея практическомъ примѣненіи въ жизни — болѣзни вовсе прекратятся и называть врачей — мучителями, а хирурговъ — живодерами и мясниками?.. Конечно, нѣтъ. Людей, которые, проповѣдуя гигіену, назвали бы врачей и хирурговъ, живодерами, всѣ сочли бы за безумцевъ. А наши проповѣдники и пѣвцы мира именно такіе безумцы, когда они искренни, и уже преступники, когда они выступаютъ со своею проповѣдью тенденціозно и съ гнусной цѣлью. Церковь молить „о мирѣ всего мира“, но она же молится и о воинствѣ.

III.

Приготовительный классъ арміи.

— Значить, надо воспитывать юношество въ любви къ войнѣ?

Почему — къ войнѣ? Въ любви къ родинѣ. Кого любишь, на защиту того самъ охотно пойдешь.

Пусть юноши *не боятся* войны, не считаютъ дѣло воина — позорнымъ дѣломъ, а, напротивъ, на защиту родины смотрятъ какъ на священный долгъ и всякій воинскій подвигъ признаютъ доблестью. Надо закалять юношей, чтобы изъ нихъ выходили мужественные бойцы, способные защищать отечество и готовые положить за него свою голову.

„Я пяди родной земли не отдамъ безъ боя“.

Такъ долженъ думать каждый. Иначе горе и позоръ ожидаютъ страну. Она станетъ рабой иноземцевъ.

Защитники мира должны помнить всегда, что чѣмъ мы сильнѣе, способнѣе къ войнѣ, — тѣмъ долѣе ея не будетъ. Сильныхъ боятся и не трогаютъ.

Когда появилось первое въ наши дни потѣшное войско Луцкевича, я возрадовался духомъ. Меня только тревожилъ вопросъ: первая это или... единственная ласточка? Теперь газеты ежедневно сообщаютъ о сформированіи все новыхъ и новыхъ ротъ потѣшныхъ. Но что это: временное увлечение, за которымъ настанетъ охлаждение или... начало прочнаго и великаго дѣла?... Если мы серьезно, наконецъ, проникнемся идеей оздоровленія молодежи, то мы остановимъ ея страшное нравственное разложение, укрѣпимъ ея физическія силы, поднимемъ ея духъ и воспитаемъ сильныхъ защитниковъ родины, *дѣйствительно* осуществимъ идею общей воинской повинности. Еще недавно и военныя гимназіи выпускали молодыхъ людей, тяготѣвшихъ къ мирнымъ занятіямъ и избѣгавшихъ строя, — пора всѣмъ школамъ готовить не только работниковъ на полѣ труда, но и способныхъ бойцовъ на бранномъ полѣ. Какая польза отъ общей повинности, если въ ряды армии поступаютъ люди не только неподготовленные, но и лишены боевой настроенности, воинскаго воодушевленія, люди того штатскаго взгляда, который осуждаетъ войну.

Пусть *потѣшныя* войска будутъ подготовительнымъ классомъ армии. Дѣти любятъ военныя игры, — и эти игры легко, при желаніи, превратить въ серьезное, государственное по важности дѣло. И дѣти будутъ смотрѣть на свою службу какъ на настоящую службу родинѣ. Пусть она начинается еще въ школѣ. Пусть ее несутъ и тѣ, коимъ не придется ее нести въ рядахъ армии. Все равно: они будутъ готовы *на случай*, способные, крѣпкіе физически, умѣлые, дисциплинированные, получившіе добрые навыки, проникнутые сознаниемъ священнаго долга и свыкшіеся съ условіями военной обстановки... Войско — это народъ. Если всѣ призываются въ ряды армии, то школьники, подготавливающиеся къ военной службѣ — уже состоятъ на ней, только въ подготовительномъ классѣ. Придетъ время — и въ армию явятся новобранцы съ любовью къ дѣлу, съ знаніемъ его, — не новички, которыхъ еще надо обломать, но уже обученные азбука. А въдѣ самое-то трудное — это военная азбука, приобретіе навыковъ. Мужикъ и солдатъ — какая разница! Какъ трудно совершить это превращеніе — и въ короткіи срокъ. *Подготовительный классъ* облегчитъ эту трудную работу. Не мужикъ явится въ армию, а *бывшій* рядовой потѣшнаго войска... Это уже, если хотите, солдатъ... Для него все будетъ легко. Тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ солдатомъ потѣшнаго войска — уже не можетъ безъ уваженія относиться къ армии; и въ немъ друзья анархіи и пѣвцы ложно понятаго гуманизма не найдутъ благодарнаго матеріала для своей близорукой

Депутат парламенту краіны муніцыпалітэту ўставаў на сцягу на II сьезьце.

проповѣди. Онъ пойметъ еще на школьной скамьѣ, что надо гордиться честью, какую ему оказываетъ родина, дѣлая его своимъ защитникомъ. Вѣдь имъ можетъ быть только человѣкъ неопороченный, ибо преступленіе уже лишаетъ человѣка высокаго права—быть защитникомъ отечества и носить мундиръ воина. Пусть это лишеніе будетъ чувствоваться, будетъ именно позоромъ, и тогда не явится желаніе избавиться отъ службы солдата, какъ отъ какой-то кары. Это не кара, а честь,—и этотъ взглядъ надо укрѣплять въ дѣтяхъ еще въ школѣ: пусть и въ потѣшное войско имѣютъ право вступать только хорошіе мальчики, непорочные; пусть и эта подготовительная служба считается честью, которой легко можно лишиться.

Намъ положительно не достаетъ мужественной доблести. Въ послѣднее время особенно усилилось воспитаніе „штатскихъ душъ“, кои прямо трепещутъ войны и стыдятся военнаго мундира... Нужна, изволите видѣть, мирная работа для страны. Но при правильной организаціи военнаго строя въ школахъ эта организація нисколько не повредитъ просвѣщенію и не оттолкнетъ отъ мирнаго труда; она только, готова работниковъ, дастъ дѣтямъ и добрые навыки, привьетъ ту дисциплину, которая такъ важна въ жизни, разовьетъ физическія силы юнаго поколѣнія, заставитъ юношей полюбить то дѣло, которое теперь для многихъ кажется чуждымъ, тяжелымъ, какимъ-то бременемъ, чуть ли не карой.

Организація военнаго строя крайне полезна не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, ибо она устранитъ многие недостатки въ интеллигентныхъ дѣтяхъ. Посмотрите на гимназиста и кадета: одинъ увалень, другой—молодецъ съ виду. Изнѣженный съ дѣтства и „штатски“ настроенный—плохой солдатъ.

Идея военнаго строя—великая идея. Съ дѣтства воспитанные въ военномъ духѣ,—и въ запасѣ, и на поприщѣ мирнаго труда, бывшіе маленькіе воины не утратятъ своего настроенія и, призванные въ минуты нужды въ ряды армии, не окажутся разучившимися и потерявшими военный духъ ратниками, какъ это мы видѣли въ послѣднюю войну. Если вообще нужно обновленіе въ войскахъ, то оно возможно только при организаціи въ школахъ военнаго строя. Въ сердцѣ растетъ дерзновенная надежда, что потѣшныя гвардіи поднимутъ вообще духъ народа, дадутъ отпоръ проповѣди трусости и создадутъ не только молодцовъ-рядовыхъ, но и полководцевъ, вождей, чуждыхъ слащавыхъ разсужденіи и крѣпкихъ волею. Мы должны создать стойкое, отважное, одухотворенное войско, если не хотимъ стать рабами чужеземцевъ.

Мало однѣхъ специальныхъ военныхъ школъ. *Всякая школа* должна помогать военной школѣ въ выполненіи великой задачи...

Всякая школа, ибо всѣ призываются на службу. И учащійся въ гимнази — будущій воинъ, и сынъ священника, уче-

никъ семинари — будущий воинъ. Всѣ нынѣ солдаты. И если когда-то рыцари дорожили честью защищать свою даму, то тѣмъ болѣе надо дорожить честью, правомъ защищать свою мать-родину. Къ этому надо готовиться съ дѣтства. Это забота каждой школы. А между тѣмъ въ какомъ учебномъ заведеніи, кромѣ военныхъ училищъ, знакомятъ юношество съ понятіями, которыя положены въ основу народной армии, составленной изъ всѣхъ гражданъ, могущихъ владѣть оружіемъ? Кто говорить юношамъ о воинскомъ долгѣ, кто разъясняетъ молодежи значение идеи патриотизма и старается ее привить? Не полагаютъ ли напротивъ ошибочно гг. педагоги, что такое воспитаніе вредно, ибо разжигаетъ любовь къ войнѣ? Но вѣдь надо же понимать, что есть разница между искусственнымъ возбужденіемъ любви къ войнѣ и естественной любовью къ родинѣ, — любовью, которая заставляетъ человѣка выходить съ мечомъ въ рукахъ на защиту отечества. Можно не стремиться къ войнѣ, не жаждать крови и не бояться смерти въ бою, въ сознаниі великаго долга считать себя воиномъ. Вѣдь часто трусъ болѣе всего способенъ проливать кровь, только не свою, а чужую и не въ честномъ ратномъ бою, а изъ-за угла, въ маскахъ, избѣгая отвѣтственности и спасая свою особу. Мужество и благородство неразлучны. И надо въ юношахъ развивать благородное мужество. Военная доблесть не уничтожаетъ мирной работоспособности. Просвѣщеніе не мѣшаетъ армии быть храброй, но проповѣдь, имѣющая въ виду обезславленіе великой воинской службы — преступная проповѣдь, ибо если образованные юноши будутъ вставать подъ знамена съ презрѣніемъ къ этимъ „старымъ разорваннымъ тряпкамъ“, — пропитанные ложными взглядами на войну, то они не поднимутъ духа армии, не возвысятъ ея боевыхъ качествъ, а только ослабятъ, разрушатъ славныя преданія и опозорятъ знамена. Позоръ ждетъ и всю страну. Пусть же поэты не бояться пѣть гимны „бранному мечу“, защищающему отечество, но не воспѣваютъ одъ другому мечу, преступно проливающему кровь. Не стыдно воспѣвать и славить Кутузовыхъ, Суворовыхъ и Скобелевыхъ, — ибо это національные герои, это наша слава, наша гордость. Когда замолкнутъ гимны въ честь ихъ, — раздадутся гимны въ честь бандитовъ. Стыдящеся славить бранный мечъ, *обогранный* кровью, уступаютъ мѣсто пѣвцамъ, славящимъ предательскій мечъ, *запятнанный* кровью. Не ободряюще идущихъ на бой, а смущающіе бойцовъ и ослабляющіе ихъ мужество — куютъ цѣпи позорнаго рабства для своей родины *).

А. Кругловъ.

*) А Дрожжинъ какъ разъ въ „Пѣсняхъ мира“ совѣтуетъ: „удерживай бойца отъ битвы!“

ПРИВѢТСТВІЕ ЯПОНСКАГО АРХІЕПИСКОПА НИКОЛАЯ МИССІОНЕРСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ ИРКУТСКѢ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!
Преосвященнѣйше архипастыри, и всѣ достопочтенные и достолюбезные
отцы и братіе!

Предоставивъ моему сотруднику, преосвященному Сергію, епископу кіютокскому, честь лично привѣтствовать ваше высокопочтенное собраніе, я не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи заочно сямъ краткимъ письмомъ выразить вамъ и мое привѣтствие.

Я счастливъ, что имѣю радость, такъ же, какъ и вы, служить водворенію Царства Божія на землѣ, нѣтъ важнѣе сего служенія на землѣ. Для него Богъ облечся въ человѣческую плоть и самъ непосредственно несть его; для продолженія его онъ избралъ Св. Апостоловъ, а они, по Его наставленію, поставляли себѣ преемниковъ, и заповѣдали дѣлать то же въ роды родовъ до скончанія міра. Поприще для сего служенія весь міръ; всѣмъ народамъ должно быть проповѣдано Евангеліе Царства Божія. Не могли мы до сихъ поръ объять проповѣдью въ буквальному смыслѣ весь міръ.

Времени нашего историческаго существованія еще недостаточно было для того. Но, насколько Богъ давалъ намъ силы и открывалъ возможность, дѣло Божіе мы творили. Сотни милліоновъ отшедшихъ въ невидимое Царство Божіе съ лица Россіи и около ста милліоновъ православныхъ христіанъ нынѣ живущихъ въ ней — явное свидѣтельство того. Что касается въ частности до Сибири, то сравненіе того религіознаго состоянія ея, въ которомъ она была въ недалекомъ отъ насъ время св. Иннокентія иркутскаго, съ нынѣшнимъ побуждаетъ только благодарить Бога за помощь, явленную вашимъ предшественникамъ и вамъ въ просвѣщеніи Св. Евангеліемъ населяющихъ Сибирь народовъ.

Теперь настало время намъ возвысить свою дѣятельность, усугубить труды, чтобы, при помощи Божіей, и плоды имѣть сугубые. Твердо вѣрю, что Утѣшитель Духъ Святой, предстательствомъ святителя Иннокентія, Чудотворца иркутскаго, видимо своими нетлѣнными мощами, невидимо своимъ блаженнымъ духомъ пребывающаго между вами, вдохновитъ васъ мудростію и силою уяснить истинныя нужды сибирскихъ и заграничныхъ миссій, изыскать мѣры къ ихъ удовлетворенію, составить планы дальнѣйшей дѣятельности и потомъ успѣшно осуществлять ихъ. Одного только мы

не можемъ просить у Бога и Его святыхъ угодниковъ, это — чтобы они устранили съ нашего миссионерскаго пути всѣ трудности и все, что можетъ причинить намъ душевныя страданія.

Мы, преемники пророческаго служенія Спасителя, какъ проповѣдники Его Евангелія, участники въ Его царскомъ служеніи, какъ пмѣющие каждый свою долю правительственной власти въ подчиненной ему части церкви, не можемъ не участвовать и въ Его первосвященническомъ служеніи, не только какъ священнослужители, таинственно изображающіе Его принесеніе себя въ жертву за грѣхи міра, но и какъ дѣйствительные носители креста, заповѣданнаго Имъ Своимъ послѣдователямъ. И потому мы можемъ только молить, чтобы Онъ облегчалъ намъ несеніе креста, помогаль переносить тѣ трудности и сопряженныя съ ними душевныя страданія, какія предлежатъ намъ на миссионерскомъ пути. Наше служеніе есть духовное рожденіе чады Богу; какое же рожденіе не сопряжено съ муками? И на нихъ мы заранѣе должны быть готовы.

Но у насъ есть источникъ великаго утѣшенія. Чтобы бодро и успѣшно служить, нужно имѣть предварительную увѣренность въ томъ, что не тщетно трудимся, что успѣхъ увѣнчаетъ наше дѣланіе. Намъ неотъемлемо принадлежитъ эта увѣренность. Не для того Богъ сходилъ на землю и далъ людямъ ученіе, чтобы оно въ скорости же было искажено, и такъ осталось искаженнымъ для большей половины рода человѣческаго. Истина не въ католичествѣ, золото Христова ученія мѣшающемъ съ глиною произвольныхъ измышлений, и не въ протестанствѣ, растерявшемъ половину и болѣе Христова ученія; истина въ православіи, всецѣло хранящемъ ученіе Христа Спасителя такъ, какъ Онъ преподалъ его св. апостоламъ. Клячтся католичество обширностью своей области, но нѣкогда арианство въ еще болѣе выгодной пропорціи было къ православной Церкви, — а гдѣ оно? По всему свѣту раскинуло свои сѣти протестанство, но въ дробленіи на безчисленныя секты его слабость и его будущая смерть. Изъ пророческихъ словъ Спасителя мы ясно знаемъ судьбу какъ блуждающаго католичества, такъ и дробящагося протестанства. Сказано Петру и въ лицѣ его Петровой Церкви: „се, сатана просить васъ, дабы съялъ яко пшеницу, азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; и ты нѣкогда оорачься утверди братію твою“ (Лук. 22; 31, 32). Молитва Богочеловѣка есть молитва человѣка и въ то же время изреченіе воли Бога. Итакъ, несомнѣнно, придетъ время, когда Петрова Церковь освободится отъ искушенія сатаны, временно допущеннаго по неисповѣднымъ судьбамъ промысла Божія, и обратится къ своей сестрѣ церкви восточной, чтобы опять составить съ нею одно, — чѣмъ, конечно, Церковь Божія будетъ очень укрѣплена. Придетъ время, когда, согласно молитвѣ Спасителя: „да вси едино будутъ“ (Іоан. 17; 21), составляющей и божественное опредѣленіе о семъ, разсѣянныя и раздробленныя общины протестантскія соберутся и сольются съ истинною Церковью Христовою, и будетъ едино стадо и Единъ Пастырь (Іоан. 10; 16). Въ христіанствѣ двѣ стороны: Божеская и человѣческая; Божеской подобаеть повиновеніе, человѣческой принадлежитъ свобода. Но какъ въ Богочеловѣкѣ Божество и человѣчество соединены были нераздѣльно и неслитно въ одно Лицо, такъ и въ вѣрѣ, данной Богочеловѣкомъ, повиновеніе и свобода должны быть нераздѣльно

соединены, хотя и неслиты. А въ католичествѣ и протестанствѣ эти два элемента раскололись и распались: въ первомъ безусловное повиновение, и притомъ авторитету не божества, а „quasi“ Божескаго лица; во второмъ безусловная свобода каждаго вѣрить во что хочеть, что самъ изберегъ. И вотъ уже тогъ и другой міръ начинаютъ сознать, что не подобаетъ такъ быть, что не истинное это христіанство, и дѣлають попытки выйти изъ своего положенія. Въ католичествѣ старокатоличество, а въ послѣднее время модернизмъ, маріавизмъ,—у протестантовъ панпротестантскіе митинги, на которыхъ они тщетно стараются договориться до взаимнаго объединенія, служить проблесками сего сознанія и сихъ попытокъ. Высящіяся холмы видимо начинаютъ осыпаться, и поднимающійся вѣтеръ сомнѣній, изысканій, разочарованій не укрѣпленіе сулитъ имъ въ будущемъ, а постепенное пониженіе ихъ и очищеніе отъ сора и праха человѣческихъ измышленій, что и будетъ въ то же время процессомъ сближенія ихъ съ православною церковью, пока, по Божію устроенію, онѣ не составятъ съ нею одно цѣлое. И такъ будемъ относиться къ христіанскимъ иновѣріямъ съ такимъ же благодушемъ, съ какимъ апостоль Павелъ относился къ устранившимся отъ него проповѣдникамъ Христа, говоря про нихъ: какъ бы ни проповѣдывали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться (Филип. 1; 18), по мѣрѣ нашей возможности, будемъ стараться ускорить для нихъ исполненіе пророчествъ и обѣтованій Спасителя; пока они въ заблужденіи, будемъ тщательно охранять наше собственное стадо отъ фанатиковъ между ними, алчущихъ похищать Христовыхъ овецъ съ вѣтлой пажити Христовой и увлекать въ свои темныя дебри. Но со всею бодростію, со всею силою и ревностію, придавъ себя всецѣло на дѣло, будемъ исполнять наше прямое служеніе—проповѣданіе Евангелія Христова людямъ, еще не знающимъ его и сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной. И пусть одушевляетъ насъ въ семъ твердая увѣренность, что намъ предложить Богомъ благословенный усѣхъ пронести истинное Евангеліе по всему міру, ибо тѣ же уста, которыя изрекли повеленіе Св. Апостоламъ: „шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари“ (Мр. 16; 15), изрекли въ слухъ ихъ также пророчество: „и проповѣстся сіе Евангеліе Царствія во всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ“ (Мр. 24; 14).

Высокопочтеннаго Собранія нижайшій послушникъ и усердный богомолецъ,

Николай архіепископъ Японскій.

ПОМОЩЬ СВЫШЕ.

„Какъ прежде, говорить и нынѣ
Съ землю Небеса“.

I.

Чудо старца Серафима.

I.

— Мама родимая, пошто это солнышко грѣть такъ-то ласково? Милое солнышко, шибко, видно, оно красиво!

Нѣжная блѣдная дѣвочка лѣтъ 14 подняла къ небу блѣдное личико съ большими синими незрячими глазами.

— Дитя мое!— скорбно вздохнула высокая сухощавая женщина въ простой крестьянской запыленной одеждѣ.— Ужъ што краше яснаго солнышка? Обездоленное ты, дитятко мое.

— А Михалка гдѣ, мама?

— Вонъ, впереди съ Захаровыми идетъ, тоже на солнышко глядитъ: очи ему далъ Господь, да другимъ обездолилъ.

И съ тяжелымъ вздохомъ она поглядѣла впередъ себя, гдѣ на зеленой травѣ, близъ дерева, присѣли старикъ, старушка и отрокъ лѣтъ 16, тоже блѣднолицый и синеглазый, ея глухонѣмой сынъ.

— Чай, пристали?— окликнулъ ихъ сидящій старикъ.— Што, Дувюшка, труднехонько путь достается? Ты у мамушки все въ холѣ дома была: сказываєте, работы не знала; потрудися, дитятко, для Бога теперь.

— Сади ее подъ тѣнь, Палагея Тимофеевна.

— Не устала я, дѣдушка, еще сиводня, потому — не долго шли, какъ встали, и солнышко ласкуеть. А Михалка?

Мать протянула ея руку къ лицу Михалки, и тотъ улынулся мягкой и грустной улыбкой, когда его коснулись теплые пальчики сестры, оцупывавшей его лицо.

— Тута! — протянула Дуня усжокоенно.

— Сердешный! — сказала старушка Захарова. — Вѣдь, падеть же такое безсчастье, какъ тебѣ пало, Тимофеевна. Всѣмъ взяли бы дѣтки: и пригожи, и кротыя, и саму тебя достаточкомъ Богъ не обидѣлъ, говоришь, а подижь ты: одинъ нѣмой и глухой, а другая — слѣпая.

— И не говори! — тяжело вздохнула женщина, — тяжко глядѣть на нихъ... надумала къ Преподобному нынѣ; мужъ сколь стговаривать: страда и все, а Михалкѣ съ Дуней не терпится: привидѣлся имъ Онъ, святой Серафимъ, подъ самый Петровъ день приходитъ и велитъ: «идите ко мнѣ въ пустынь, тамъ я васъ исцѣлю». Проснулись, мнѣ Дунюшка рассказываетъ, а Михалка маячитъ про видѣнїе.

— А рассказали о преподобномъ-то кто имъ?

— Да Дуня услыхала отъ поповскихъ: вхожа она къ нимъ: матушкина дочка съ нею однолѣточекъ, дружныя онѣ, жалбуютъ Дуню у поповскихъ... ну, вотъ, а она брату размаячила, даромъ што не видитъ, умѣетъ маячить ему, онъ все у ней понимаетъ лучше моего... послѣ тѣхъ рассказовъ и привидѣлся имъ святой...

— Маленьки, сѣденки! — своимъ мягкимъ голосомъ заговорила Дуня. — Такой добрый; меня по головѣ погладилъ и позвалъ: «иди въ пустыньку съ братомъ въ Саровъ ко мнѣ, исцѣлю тебя тамъ», а Михалкѣ тоже размаячилъ.

— Ишь ты, — сочувственно качали головою старики. — Мы, всть, тоже по обѣту за внуценка идемъ: исцѣлится, значитъ, Онъ ево, а мы и общались со старухой сходить къ Нему помолиться; только идемъ-то тихо... ну, да, сказываютъ, ужъ недалеко: тутъ лѣса, вишь, пошли... А вы тоже пѣшкомъ общались?

— А какъ же? Какъ велѣлъ, — сказала Пелагея Тимофеевна. — Мужъ, было, коней снарядить, такъ они оба, и Дунюшка и Михалка, руками и ногами...

— Куда ты, Дунюшка?

— Ягодою пахнеть, мама. Михалка ведетъ, мы тутъ тебѣ принесемъ ягодокъ, — отвѣтила дѣвочка вставая и, крѣпко взявши за руку нѣмого брата, она пошла подъ зеленый навѣсъ придорожныхъ березъ, гдѣ братъ, не выпуская ея руки, зорко вглядываясь въ траву, рвалъ для нея и матери ягоды.

— Вотъ какія, сами ягодки, — сказала старушка Захарова. — А недоля пала. Ну, да за все Богъ.

— Охъ, и пѣту вѣры, што исцѣлятся. Ты подумай, Мавра Панкратьевна, — такъ вѣдь тебя зовутъ, сказывала? — Михалка глухой и нѣмой родился, а Дунюшка шести недѣль ослѣпла... ужля такіе исцѣляются? Прости меня, Господи, вѣра нейметса, не бывать этому; а што съ ними тагда будетъ?.. Они, вотъ, ровво за положеннымъ идутъ, всю надежду на святого Сера-

фима полагають, а потомъ што? Отець миѣ и говоритъ: душой отъ Бога отвратятся; начитанный онъ у меня, знающій; а батюшка нашъ благословилъ: «дѣтская вѣра, — говоритъ, — горами ворочаетъ, идите и не сумлевайтесь»... Они-то, голуби мои, и не сумлеваются, а я, грѣшница, не повѣрите, ночи не сплю отъ думы; а какъ стали ближе подходить къ Сарову, ажю меня трясти стало: какъ же, все на умѣ, домой-то я ихъ поведу?

— Да, — раздумчиво сказалъ старикъ. — Хоша и велики чудеса отъ преподобнаго, но штобы глухого и нѣмого съ рожденья исцѣлить, да слѣпую тоже почестъ съ рожденья, дивно.

— А нашего-то Алешеньку, внученочка? — съ глубокой вѣрою воскликнула старуха. — Што ты, Митричъ. Умиралъ наришечка, горлышкомъ задушило ево... отъ каво у насъ въ деревни пользы ждать? Къ фершалу: «да онъ, — говоритъ, — помираеть, Богу молиться надо»... — только три годочка мальчику, одинъ единый у сына. Кинулся старикъ съ Захаромъ, сына нашего такъ звали, въ церковь, а я коло Алеши съ матерью его; пссинѣлъ ребеночекъ, задыхается... батюшка, даи ему Богъ здоревья, молебень сталъ служить въ тѣ поры преподобному Серафиму; глядимъ мы съ снохой, отходить зачалъ ребенокъ, рвать ево приняло страмомъ какимъ-то, выпло все изъ него, и уснуть на соавышкѣ; въ Петровки это было. Вернулся мужики, онъ спитъ, андель мой, и здышеть легко такъ, проснулся и всталъ, какъ встрепаныи, веселый; фершалъ увидалъ, руками сбелхнулъ: «молитесь, — говоритъ, — кому молились!» рвоту велѣлъ въ землю законать, «болестъ», говоритъ, «самая худая была, крупъ», и ни за што онъ его живымъ видѣть не чаялъ. А въ Карповомъ-то селѣ?..

И долго рассказывала убѣжденно и толково старушка Захарова, пока солнце палило, всѣ полдни, что просидѣли они подъ березами, и, вернувшаяся съ ягодами дитя, жадно слушала, а братъ ея съ глубокимъ вниманемъ глядѣлъ на старое доброе лицо рассказчицы, точно ловя звуки пытливыми синими глазами.

II.

Вотъ и Саровъ. Тихимъ теплымъ вечеромъ они подходили къ нему окольной лѣсной дорогой. Пахло смолистой хвоей, и глаза глухонѣмого Михалки заглядѣлись на пронизанные розовымъ отблескомъ заката гигантские стволы сосенъ, а его сестра съ мягкой улыбкой вдыхала лѣсной ароматъ, смотря передъ собою незрячими глазами.

— Вечеряеть, матушка?

— Да, дитятко мое. Скоро зазвонять въ Саровѣ къ вечернямъ, гулье, сказываютъ, колокола.

— Далекое еще, дѣданька?

— Къ ночи дойдемъ; вотъ скоро холодкомъ потянетъ, легче будетъ идти.

— Цвѣтнковь бы порвать! — съ тихой радостью сказала дѣвочка по обычаю, держась за руку брата.

— Михалка, пойдешь?!

— Нѣтъ, дитятко, некогда, торопиться надо, тутъ поди и звѣрье есть, мы, вѣдь, проселкомъ идемъ, ближнимъ путемъ, а не большою дорогою... а нашто тебѣ цвѣтики?

— Преподобному бы на раку положить, — сказала Дуня.

— Да вонъ ихъ сколь у дороги, рви.

— дай ей порвать, Палагея Тимофеевна! — сказала старушка Захарова; — не перечь, коли такъ ей ужъ захотѣлося...

— Охъ, тошно мнѣ, ноги меня едва несутъ; Михалка, штоль скажеть ей, а я посижу малость: ужъ шибко жарко было днемъ, и голова разломилася; должно нажгло, и сердце поеть вотъ какъ, прямо хошь въ землю зарывайся! — тихо и жалобно сказала Палагея.

Она глядѣла вслѣдъ дѣтямъ. Пѣмой тянула руку сестры къ предорезнымъ цвѣтамъ, и та сорвала одинъ и другой, протягивая другую свободную руку передъ собою инстинктивно, точно обброваясь; и старики присѣли, тоже устало опустившись на траву. Они невольно дрогнули, когда ихъ спутница внезапно вскричала и широко открытыми глазами впиалася въ Дуню.

— Господи! — прошептала старушка Захарова.

Въ полюсь заходящаго свѣта, падавшаго на лѣсную дорожку, заросшую травой, Дуня вдругъ вырвала руку изъ руки брата и, ступивъ на траву ногою, сама наклонилась къ цвѣтамъ, пріютившимся у кустовъ и съ ликующимъ, восторженнымъ крикомъ: «Цвѣтики... вижу, вижу!» — Припала къ нимъ своей свѣтловолоосою головкой.

Глухонѣмой остановился и смотрѣлъ на нее пытливо, влившемъ глазами, а она, быстро сорвавъ цвѣты, вскочила, схватила его за руку, повернулась кругомъ, смотря на лѣсъ, залитый розовымъ свѣтомъ, на цвѣты у корней въ травѣ, на заросшую дорожку, и, поднявъ лицо къ небу, вдругъ упала опять на колѣни, увлекая за собой и его съ ликующимъ крикомъ:

— Вижу я... вижу я... Михалка, я вижу... вотъ, вѣдь, Онъ сбѣщаль... обѣщаль и сбѣлалъ... Мама, дѣдушка, бабашка, вѣдь Онъ обѣщаль...

Густой и сильный звукъ пронесся надъ лѣсомъ, и обезумѣвшая отъ радости, шатавшаяся, какъ пьяная, мать и старики истоиво и твердо перекрестились, а дѣвочка въ восторженномъ порывѣ вскричала, сжимая руку брата:

— Михалка, слышишь, звонять? у Него звонять!.. слышишь, Михалушка?

Свѣтлыя слезы посыпались по лицу отрока, — круныя, жгучія; онъ поднялъ, точно озаренное свѣтомъ, лицо на сестру и тихо, раздѣльно глухимъ, но яснымъ голосомъ произнесъ съ нѣжною благодарностью:

— Слышу, Дуня... слышу!

Тихія деревья молчаливо и задумчиво глядѣли на ихъ лица, сблитыя слезами, слушали ихъ благодарныя молитвы и крики радости. И старый лѣсъ, и вечернее небо, и зеленая трава — вся эта Божья красота, которую любилъ кроткии Праведникъ, чьими молитвами исцѣлился бѣдныя обездоленные дѣти.

— Ахъ, мама! — говорила Дуня ночью, уже послѣ того, какъ прилежнлась къ мощамъ Преподобнаго, глядя на звѣздное небо теплое и ясное, на которомъ горѣли миллионы звѣздъ. — Тянуся я за цвѣтикомъ, ведеть мою руку Михалушка, и думаю я о святомъ Серафимѣ-цѣлителѣ, вдругъ кто-то по глазамъ точно мнѣ мягкой рукою проведеть, и будто паутина съ нихъ упала, гляжу — цвѣтки, зеленая трава, лѣсныи и Михалушкино лицо, и ты на дорожкѣ, и небо голубое.

— А мнѣ, — тихо и съ трудомъ овладѣвая словами, сказала ея братъ, — точно что въ голову стукнуло: гляжу на нее и слышу, кричить, радуется, хочу говорить самъ, языкъ не умѣю сложить... она говоритъ, а звонъ такъ меня по сердцу и ударилъ: бомъ... бомъ... бомъ. Дуня говоритъ: слышишь? а я: слышу, Дуня, слышу! — и все понять, какъ надо говорить, и все услышалъ.

Какъ давеча въ лѣсу, по лицу отрока покатались слезы свѣтлыя и чистыя, а мать съ безграничной любовью прошептала:

— Благослови Его, Господи, Праведника за все Его добро. Душа моя исходитъ отъ радости, и неотступно бы я Его раку лбзала... Ахъ, дѣтушки, дѣтушки, што только Онъ сдѣлалъ для меня и для васъ?!..

А тамъ, надъ ракою, гдѣ теплились лампы: незримые ангелы стояли у праха Того, чья свѣтлая душа ушла выше звѣздъ, продолжая любить и помогать тѣмъ, кто на землѣ терпѣль скорби и болѣзни, и горе. («Рус. Чтение», А. Мирская.)

II.

Благодатное исцѣление.

Горько плакала десятилѣтняя Люба Брунова, когда ей пришлось услышать разговоръ старшихъ о томъ, что провинциальные доктора уже отказались лѣчить ея больное ухо и совѣтуютъ немедленно везти ее въ Москву къ какому-нибудь извѣстному врачу. Люба даже слышала, что кто-то упомянулъ слово «операция» и это неосторожно высказанное слово привело дѣвочку въ ужасъ. Бѣдняжка въ продолжение многихъ дней терпѣливо переносила свою мучительную болѣзнь. У нея былъ опасный нарывъ въ ухѣ. Съ каждымъ днемъ дѣвочкѣ становилось хуже и, наконецъ, она на одно ухо совершенно оглохла. Осмотрѣвъ внимательно уш-

бальной, врачъ объявилъ ей матери, что у Любы въ больномъ ухѣ лопнула барабанная перепонка и что она навѣкъ останется глухой; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что необходимо серьезное лѣчение и убѣждалъ г-жу Брунову немедленно отвезти дочь лѣчиться въ Москву.

Для точности разсказа нелишне упомянуть, что Люба жила въ то время въ селѣ Петропавловскѣ, которое находится въ семъ верстахъ отъ г. Богородска. Въ этомъ селѣ родители Любы имѣютъ ковровую фабрику, а въ Москвѣ на Никольской улицѣ — ковровый магазинъ.

Великимъ постомъ прошлаго года г-жа Брунова по совѣту лѣчившаго Любу доктора привезла свою больную дочь въ Москву; и, прежде чѣмъ обращаться къ московскимъ знаменитостямъ, повела дѣвочку въ Страстной монастырь приложиться къ распятію Спасителя.

Шла обѣдня. Народу было очень много. Одна изъ монахинь, знакомая Бруновыхъ, провела ихъ сквозь густую толпу молящихся приложиться къ святышѣ.

Какъ только дѣвочка была подведена къ святому кресту, она съ горячей дѣтской вѣрой прильнула къ ногамъ Спасителя и, цѣлуя ихъ, что-то умоляюще шептала. Ея мать и приведшая ихъ монахиня съ умиленьемъ смотрѣли на Любу.

По окончаніи службы г-жа Брунова рѣшила ѣхать къ доктору, но дѣвочку положительно не могли увести изъ церкви. Она все молилась, все прикладывалась къ святому кресту и, узнавъ, что по окончаніи обѣдни будутъ служить молебенъ съ акаѳистомъ страстямъ Христовымъ, Люба упросила отстоять молебенъ.

Чѣмъ больше молилась дѣвочка, тѣмъ спокойнѣй и веселѣй становилось выраженіе ея лица. А по окончаніи молебна Люба имѣла настолько веселый, довольный видъ, что можно было подумать, что она совершенно выздоровѣла, да и слышать дѣвочка стала такъ же хорошо, какъ и прежде. Великую милость явилъ Господь горячо вѣрующей въ Него отроковицѣ. Уже совсѣмъ спокойная отправилась Люба вмѣстѣ съ матерью къ доктору. О прежней боязни и жалобахъ на мучительную боль не было и пмыву. Она спокойно дала осмотрѣть свое болѣвшее ухо доктору, который нашелъ его совершенно здоровымъ. «Да, вѣдь, у нея лопнула барабанная перепонка въ этомъ ухѣ, — заявила удивленной г-жа Брунова, — развѣ это только была ошибка лѣчившаго ее врача?» «Нисколько, — сказалъ докторъ, — это я сразу примѣтилъ, что барабанная перепонка была лопнута, но теперь она срослась и я вижу на ней маленькіи шовики».

Радость Любы и ея матери была неописанна. Счастливыя, довольныя отправились онѣ домой, съ благодарностью вспоминая о чудесномъ исцѣленіи, полученномъ отъ чудотворнаго распятія Спасителя. («Кормчій».)

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Знаешь, гдѣ счастье-то было?
Въ старой усадьбѣ, гдѣ комнаты пусты,
Въ старомъ саду, гдѣ деревья такъ густы,
Гдѣ сохранили изгибы дорожекъ
Оттиски дѣтскихъ танцующихъ ножекъ,
Тамъ его время хранило.
Тамъ разрослось оно пышной травою,
Иволгой дикой кричить межъ листвою,
Бѣлой росой на лужайкахъ ложится,
Аистомъ въ небѣ высоко кружится,
Помнишь приговоръ зеленый у старыхъ воротъ?
Тамъ оно ждетъ.

Вѣра Рудичъ.

II.

Черногорія и ея праздникиъ.

Маленькое княжество—это гнѣздо „орловъ“—стало королевствомъ. На праздникъ прибыли многіе вѣнценосные гости. Празднество отличалось блескомъ и рѣдкою задушевною. Король Николай I Черногорскій пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Портретъ короля Николая былъ данъ нами въ январскомъ № „Свѣточа“ и „Дневника Писателя“ за наст. годъ.

Черногорія, названная такъ венецианцами, представляетъ собою переполненную горами территорию въ 9.080 кв. километровъ, на которой живутъ около 300.000 человекъ. Еще съ XII по XIV столѣтіе эту горную страну начали занимать славяне, и въ XV в. она была извѣстна подъ именемъ княжества Зета, принадлежавшаго Великой Сербіи. Когда, послѣ Коссовской битвы, турки уничтожили сербскую державу, въ недоступную горную область между Скутарійскимъ озеромъ и Каттаро спаслись сербы, особенно цѣнившіе свою свободу и независимость. Въ теченіе пяти столѣтій обивались черногорцы отъ непрестанныхъ нападеній турокъ въ

своей природной крѣпости, гдѣ буквально каждый камень орошенъ ихъ кровью. Такое многолѣтнее наследственное боевое воспитаніе выработало въ черногорцахъ смѣлость, рыцарскую гордость и любовь къ независимости. Каждый черногорецъ — прирожденный воинъ, каждый служить въ пѣхотѣ 4 мѣсяца, въ артиллеріи и въ саперахъ по 6 мѣсяцевъ. Каждые четверть и воскресенье черногорцы занимаются военными упражненіями. Въ любой моментъ Черногорія можетъ собрать подъ ружье 37.000 человекъ. Костюмъ черногорскаго военного отличается отъ штатскаго только такъ-называемой капой (головнымъ уборомъ). Военные и штатские носятъ одинаковый національный костюмъ: короткіе и широкіе синіе шаровары, красную куртку, плащъ, бѣлые чулки и кушакъ для оружія. Каждый черногорецъ въ 16 лѣтъ получаетъ казенный револьверъ.

Всѣ черногорцы, отъ крестьянина до школьнаго учителя, никогда не расстаются съ револьверомъ. Всѣ они — великолѣпные стрѣлки. Принципъ самозащиты господствуетъ въ Черногоріи безраздѣльно. Въ книгѣ черногорскихъ законовъ („Данилинъ кодексъ“) говорится, что отъ всякаго наказанія избавленъ тотъ, кто убиваетъ немедленно своего обидчика, но если черезъ часъ, то подвергается смертной казни.

Умѣренность, постоянство, честность, гостепримство, строгость нравовъ — отличительныя нравственныя качества черногорцевъ. Женщины и дѣвушки тамъ свободно, днемъ и ночью, могутъ однѣ ходить по горамъ. Национальные цвѣта черногорцевъ — красный, синій и бѣлый. Черногорская шапка имѣетъ всегда черную кайму въ знакъ траура по старой родинѣ, — Великой Сербіи; красный верхъ обозначаетъ кровь, пролитую въ битвахъ за свободу, а винчалы князя — надежду на счастливое будущее. Женщины носятъ на головѣ черный платокъ. Черногорцы такъ любятъ свою гористую родину, что, хотя нѣкоторые дома ихъ отстоятъ на 2½ часа ходьбы до перваго источника воды, однако, они не оставляютъ ихъ, потому что въ нихъ жили ихъ отцы и дѣды.

Но не вся Черногорія является царствомъ камня: тамъ встрѣчаются мѣста необычайно плодородныя. Область Никшича, долина Зеты у Данилограда, Морача, гдѣ расположенъ торговый городъ Подгорица, мѣстность къ западу отъ Скутаринскаго озера — Струмина, на склонахъ Сутормана, — все это житницы и фруктовые сады Черногорин. Здѣсь воздѣлываются не только всѣ зерновые хлѣба и разводятся овощи, но и фрукты, виноградъ и табакъ. На берегу между Антивари и Дульциньо растутъ граматы, оливы, апельсины, лавры, мирты.

На горныхъ равнинахъ восточной Черногоріи разводятся скотъ. Внутри Черногоріи проведены удобныя дороги. Между Каттаро-Цетинье и Никшичемъ устроено почтовое автомобильное сообщеніе. Между Фирбазаромъ на Скутарійскомъ озерѣ и Антивари на Адриатическомъ морѣ проведена желѣзная дорога. Почтовое и телеграфное сообщеніе организовано хорошо. Школьное образованіе обязательно отъ 7 до 13 лѣтъ, при чемъ всѣ книги и проч. дѣти получаютъ бесплатно. Въ Цетинье, Подгорицѣ и Никшичѣ существуютъ гимназій. Населеніе городовъ крайне незначительно: въ Цетинье всего 1.200, Подгорицѣ 4.000, Никшичѣ 3.000, Дульциньо 2.000, Антивари 1.500. Цетинье — тихій городокъ, гдѣ каменные дома рѣдки; расположенъ въ долинѣ, окруженной горами. Главная достопримѣчатель-

ность Цетинье — монастырь св. Дѣвы, основанный въ 1478 г. Три раза турки выжигали Цетинье, три раза черногорская столица готова была исчезнуть.

Среди черногорцевъ очень распространено знание иностранныхъ языковъ. Одинъ кельнеръ въ „Грандъ-отелѣ“ въ Цетинье говорить на 8-ми языкахъ. Многие черногорцы говорятъ по-нѣмецки, по-французски или по-итальянски, а образованные говорятъ на всѣхъ 3 языкахъ. Распространяется знание англійскаго языка. Князь Николай въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, выдается среди своихъ подданныхъ: онъ говорить по-русски, по-французски, по-итальянски и по-турецки, понимаетъ и по-нѣмецки.

Король Николай, которому теперь идетъ 74-й годъ, 19-ти лѣтъ вступилъ въ бракъ съ Миленой Вукотичъ, которой было 13½ лѣтъ. Отъ этого брака родились 7 дочерей и 4 сына. Зорка вышла замужъ за Петра Карагеоргиевича, теперешняго короля Сербіи, Милица и Стана — за нашихъ Великихъ Князей, Анна за князя Баттенбергскаго, Елена сдѣлалась королевой Итали, Ксенія и Вѣра еще живутъ въ родительскомъ домѣ. Старшій сынъ короля Николая I скончался въ 1890 г., 39-лѣтніи наслѣдникъ престола Данило женатъ на мекленбургской принцессѣ Юттѣ, 31-лѣтній Мирко — на сербской принцессѣ, а 21-лѣтній Петръ холостъ и учится въ гейдельбергскомъ университетѣ. Король и королева наслаждаются полнымъ семейнымъ счастьемъ и пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ. (Спб. Вѣд.).

III.

Издѣвательства „обновленной“ Турціи надъ православіемъ.

Духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій даже въ дикихъ странахъ пользуется извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіями сравнительно съ остальными своими единовѣрцами. Такъ было и въ старой Турціи, которой, несмотря на ея некультурность и жестокость, нельзя было отказать въ извѣстномъ благородствѣ.

Въ нынѣшней „обновленной“ Турціи, дѣло обстоитъ иначе, и издѣвательство надъ православіемъ (составляетъ одну изъ главныхъ мѣръ правительства, чтобы терроризировать болгарское население.

Не говоря уже объ избіеніяхъ почти по всѣмъ селамъ священниковъ на глазахъ у ихъ прихожанъ, во время только что кончившагося „разрушенія“ Македоніи были случаи самаго наглаго издѣвательства войскъ надъ духовенствомъ.

Въ Штинѣ и его предмѣстїи Ново Село турецкія войска проявили особенную свирѣпость; чтобы устрашить население, городъ былъ бомбардированъ и частью сожженъ и только послѣ того было приступлено къ обыскамъ. По разсказамъ очевидцевъ, священникъ Нова Села былъ проведенъ

по улицамъ въ изорванной рясѣ съ растрепанными волосами; его подгосили прикладами и заставляли кричать, чтобы население выдавало оружіе.

Архирейскій намѣстникъ въ Штинѣ послѣ публичнаго поруганія былъ посаженъ въ тюрьму, затѣмъ выпущенъ и, едва вернувшись домой, застрѣленъ.

Послѣ этого жавдармы (реорганизованные европейскими офицерами) стали издѣваться надъ дѣтьми убитаго, заставляя ихъ по командѣ плакать и умолкать. Старшій его сынъ, ученикъ салоникской гимназіи, былъ избитъ до полусмерти.

Въ Гюрничѣ священника привели въ турецкое училище, сбили у него съ головы камилавку и заставили поклясться, что у него нѣтъ оружія, а послѣ этого подвергли пыткѣ, требуя, чтобы онъ отдалъ свое оружіе.

Чтобы избавиться отъ мученій, священникъ купилъ ружье (у мусульманъ ихъ есть сколько угодно) и отдалъ властямъ. Истязанія на этомъ не только не кончились, а наоборотъ, солдаты начали публично издѣваться надъ священникомъ, выставляя его клятвопреступникомъ.

Въ сосѣднемъ селѣ священника Владо водили по улицамъ въ одномъ вижнемъ обѣлѣ, чтобы онъ убѣдилъ своихъ прихожанъ выдать оружіе.

Измученный, униженный и избитый, священникъ отпросился пойти переговорить съ прихожанами, отправился домой и лишилъ себя жизни.

Въ с. Зерновци, Кочанской казы священникъ избитъ и арестованъ, изъ с. Драговраче бѣжалъ въ Болгарію.

Все это—только отдѣльные случаи, но и по нимъ можно видѣть, сколько смысла имѣетъ обсужденіе въ турецкомъ парламентѣ новыхъ законопроектовъ по церковному вопросу, и въ какомъ положеніи находятся христіане въ Турціи.

IV.

Русское искусство въ Лондонѣ.

Нынѣшній весенній и лѣтній сезоны англичане справедливо называютъ русскимъ сезономъ. Наше искусство не только въ модѣ, но и сумѣло зарекомендовать себя самымъ блестящимъ образомъ.

Театръ въ Ковентъ-Гарденѣ,—большая опера, нынче изобиловала гастролерами: извѣстный Саммарко, американецъ Мартинъ, г-жа Мельба и Тетрацини, чешка г-жа Дестинъ, теноръ г-нъ Ростовскій.

Но никому публика не устраивала такихъ бурныхъ, неслыханныхъ въ чопорномъ Ковентъ-Гарденѣ, овацій, какъ нашей примадоннѣ М. Н. Кузнецовой, а затѣмъ московскому баритону г-ну Бакланову. Его голосъ называли очаровательнымъ и мощнымъ, покоряющимъ. Г-жа Дестинъ радовалась его успѣхамъ больше, чѣмъ собственнымъ, и гордилась тѣмъ, что она оба: Баклановъ и она—славяне.

Надо ли говорить, какой побѣдительницей на этомъ конкурсѣ явилась

ваша Кузнецова? Послѣ парижскихъ успѣховъ въ Grand Opera, гдѣ ей предлагали контракты чуть не на 5 лѣтъ впередъ, гдѣ композиторы ставили условіемъ, чтобы ихъ новинки были непременно въ рукахъ г-жи Кузнецовой, эту артистку ждали еще большіе лавры въ „столицѣ міра“. Самыя серьезныя газеты: „Times“, „Daily News“, „Standard“, „Daily Telegraph“ посвящали большія статьи пѣвицѣ, озаглавливая ихъ „The triumph of M-me Kouznetzoff“, „Новый триумфъ г-жи Кузнецовой“ и т. д.

Арія Маргариты съ бриллиантами въ саду—послѣ нея шесть разъ прерывали оркестръ, требуя повтореній, непринятыхъ въ обычное время въ Ковентъ-Гарденѣ. Наконецъ, финальное трио въ тюрьмѣ: мощно и ясно звучитъ голосъ Маргариты, за нимъ не слышно голосовъ Фауста, Мефистофеля... И когда опустился послѣдній разъ занавѣсъ, многие оставались въ зрительномъ залѣ, какъ очарованные. Минута напряженного молчания... И затѣмъ общій взрывъ такихъ аплодисментовъ, какихъ, какъ писалъ критикъ „Daily News“, ему не приходилось еще слышать въ ложахъ и креслахъ оркестра и great circle. Рукоплескали и вызывали артистку все безъ исключенія...

А черезъ нѣсколько дней, по окончаніи траура, молодой король Георгъ V давалъ первый свой раутъ и на него былъ приглашенъ оркестръ Ковентъ-Гардена, солисты скрипки и рояля, а изъ пѣвицъ — одна русская счастливица—М. Н. Кузнецова. („Рос.“. Калеръ).

V.

260-лѣтіе русскаго аршина.

Русскій аршинъ можетъ почти одновременно праздновать 260-лѣтіе, 200-лѣтіе и 100-лѣтіе существованія его разныхъ образцовъ. Теперь употребляемый аршинъ былъ установленъ сто лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 июля 1810 года.

Вообще же исторія русскаго аршина такова. Впервые мѣра-аршинъ появилась въ Россіи въ 1649 г. По указу царя Алексѣя Михайловича отъ 29 января 1649 г., рѣшено „въ верстѣ учинить по 1.000 сажень, а сажень, чѣмъ мѣрить землю или иное что дѣлать, въ три аршина“.

Такими желѣзными аршинами снабжались изъ таможи все пріѣзжіе иногородніе купцы на время ихъ торговли, но по окончаніи ея они возвращались обратно. „Таможенныхъ“ аршинновъ, однако, не хватало и купцы отпускали свои товары на локти.

Въ началѣ XVIII вѣка, приблизительно въ 1710 г., Петръ Великій установилъ мѣру сажень, равную 7 настоящимъ англійскимъ футамъ и аршинъ (локоть) — 28 дюймовъ. Локоть этотъ вывезенъ видно Петромъ изъ Голландіи, гдѣ онъ тогда работалъ. Заключить это можно на томъ основаніи, что „голландскій локоть“ равенъ 27,975 дюйма. Такъ эта сажень въ 7 англ. фуговъ оставалась до 1835 года, когда комиссія выра-

ботала болѣе точную сажень. Общей русской мѣрой сажень оставалась до 1899 года, когда ввели окончательно аршинъ въ 16 вершковъ.

4 июня 1899 г. вышелъ новый законъ, утвердившій снова аршинъ. Понадобилось тогда сдѣлать вопль точную и вѣрную мѣру. Сдѣлать ее надо было необходимо изъ иридиской платины. Но если дѣлать изъ этого металла „сажень“ при услови прочности, то пришлось бы затратить только на одинъ матеріаль болѣе 100.000 р. При этомъ сажень вышла бы тяжелой и громоздкой. Для удобства же было рѣшено изготовить треть сажени, т.-е. аршинъ, который и былъ утвержденъ вновь нашей основной мѣрой.

Этотъ „аршинъ“ изъ иридиской платины обошелся до 10.000 рублей, но за то вопль проченъ и удивительно точенъ.

Какъ говорятъ, гдѣ-то долженъ храниться, скорѣй всего въ Москвѣ найденный въ кабинетѣ Петра I полуаршинъ, равный 14 дюймамъ. Онъ, и является предшественникомъ нашего теперешняго полного аршина.

Не мало бѣдъ надѣлала въ былыя времена „мѣра“ (то аршинъ, то сажень), да еще твердо неустановленная, въ торговлѣ.

Еще болѣе возникло изъ-за этого спора и судебныхъ дѣлъ среди помещиковъ при обмежеваніи, размежеваніи и дѣлежѣ земли между наслѣдниками.

Но увы... теперь мѣра и установлена, однако не мало обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ торговцы обывателей.

VI.

О мухахъ.

Городской бактериологъ Нью-Йорка д-ръ Даниэль Джексонъ въ статьѣ, напечатанной въ послѣдней книжкѣ „American Review of Reviews“ называетъ *комнатную муху* однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ человѣчества. Дополнениемъ къ этой статьѣ является работа объ „опасныхъ насекомыхъ“ д-ра Эдамса, напечатанная въ „American Magazine“.

Эдамсъ утверждаетъ, что въ то время, какъ укушение москитовъ и вызываемая этими укушениями смерти въ С.-Штатахъ можно опредѣлить въ 1000 душъ въ годъ, при 3.000.000 инфекционныхъ заболѣваній, являющихся результатомъ укусовъ москитами, враждебная человѣчеству „дѣятельность“ москитовъ не можетъ быть и сравнимаема въ вредомъ, причиняемымъ комнатными мухами, какъ разносительницами чахотки и тифа. Д-ръ Джексонъ, въ свою очередь, доказываетъ, что „специальностью“ комнатной мухи является перенесение тифозной горячки, холеры, кроваваго поноса и разныхъ формъ острыхъ желудочныхъ заболѣваній. По рядомъ пзслѣдованій установлено, что нерѣдко комнатныя мухи заражаютъ чахоткой, дифтеритомъ, оспой, воспаленіемъ глазъ и „свинкой“.

Количество бактерий, находящихся на одной комнатной мухѣ, колеблется между 250 и 6.600.000, при чемъ быстрота, съ которой онѣ восприни-

мають бактерии, — поразительна. При одномъ опытѣ въ Нью-Йоркѣ комнатная муха, послѣ надлежащей и полной дезинфекціи, была посажена на нѣсколько минутъ на содержащую бактерии среду. Когда она была снята, оказалось, что въ ея рту и на ногахъ находилось не менѣе 100.000 бактерий.

Разсматриваемая съ точки зрѣнія послѣднихъ научныхъ выводовъ, комнатная муха несравненно опаснѣе тигра или гремучей змѣи. Она является одной изъ главныхъ носительницъ и распространительницъ азіатской холеры и едва ли не главнымъ факторомъ въ зараженіи молока бактеріями тифозной горячки. По вычислениямъ Джексона, комнатная муха, путемъ зараженія, въ среднемъ сокращаетъ жизнь человѣческую, по меньшей мѣрѣ, на два года. Въ течение одного поколѣнія это равняется 4.000.000 человѣческихъ жизней. Во время испанско-американской войны погибло 2.100 человекъ отъ тифозной горячки, перенесенной мухами.

Немудрено, что въ Нью-Йоркѣ начата серьезная борьба съ этимъ „врагомъ человѣческаго рода“, и онѣ всячески изгоняются изъ кухонъ, ресторановъ и столовыхъ. Но истребить муху затруднительно, если принять во вниманіе, что одна муха кладетъ 120 яичекъ, и что въ концѣ года ея потомство равняется *секстиллиону*...

Въ статьѣ Эдамса приводятся интересныя свѣдѣнія о борьбѣ съ вредными наѣдомыми. Каждое наѣдомое имѣетъ specialнаго врага или враговъ и покровительствомъ этимъ врагамъ борются съ вредными наѣдомыми. Иммиграція такихъ наѣдомыхъ нанесла огромный вредъ американскому сельскому хозяйству. Изъ 72 наѣдомыхъ, приносящихъ своей дѣятельностью миллионныя убытки населенію, 35 были „импортированны“ изъ-за границы.

Какъ только такой нежелательный „гость“ начинаетъ черезчуръ широко пользоваться гостеприимствомъ, эксперты стараются опредѣлить его родину, затѣмъ на этой родинѣ разыскиваютъ такую мѣстность, гдѣ наѣдомое водится, но въ небольшихъ количествахъ, истребляемое врагами. Затѣмъ отыскиваютъ этого врага и, въ свою очередь, импортируютъ его въ С.-Штаты, предоставляя дальнѣйшую работу уже ему.

Апельсинныя рощи Калифорніи были почти обречены на уничтоженіе вслѣдствіе напавшей на нихъ австралійской вши, но стоило привезти изъ той же Австраліи нѣсколько сотенъ чернокрылыхъ птичекъ, истребляющихъ этихъ наѣдомыхъ, и черезъ два года апельсинныя рощи были избавлены отъ своихъ враговъ. Хлопчато-бумажная „круглянка“, завезенная изъ Мексики въ штатъ Техасъ, обошлась этому штату въ течение послѣднихъ 15 лѣтъ болѣе 2.000.000 долларовъ въ годъ. Теперь съ этой „круглянкой“ борется особенный видъ жуковъ, которые уже успѣли уничтожить около 60% вредоносныхъ наѣдомыхъ.

Въ течение года гессенская муха причиняетъ убытка въ С.-Штатахъ на сумму 40.000.000 руб. Американскіе специалисты, однако, открыли наѣдомое, которое занялось истребленіемъ яичекъ гессенской мухи съ громаднымъ успѣхомъ.

Къ сожалѣнію, такого „врага“ комнатной мухи еще не найдено...

VII.

На полях газетъ и журналовъ.

Какъ сдаются казенные заказы—это мы узнаемъ изъ картинки, нарисованной въ „Нов. Времени“:

— Дѣло обставляется такъ. Являетесь вы,—представитель русскаго завода и агентъ французской что ли или англійской фирмы—къ лицу, отъ котораго зависитъ передача заказа. Изъ вѣжливости лицо принимаетъ всегда раньше иностранца,—съ тѣмъ говорить удобнѣе и безопаснѣе, да по-французски это какъ-то и глаже выходитъ.

— Заказъ на вентиляторы? (Беру для примѣра.) — Какъ же, собираемся дать, и скоро... Только имѣйте въ виду, что вамъ потребуются новаго образца...

И лицо, отъ котораго зависитъ заказъ, предупредительно объясняетъ иностранцу, какого типа нужны эти вентиляторы.

Послѣ обласканнаго француза входитъ представитель русскаго завода.

— Вы о вентиляторахъ?—обращается „лицо“...—Ничего не знаю, Иванъ Ивановичъ! Будемъ ли заказывать, что заказывать, когда,—право, ничего еще опредѣленно неизвѣстно...

— Я только навѣдаться,—уже робѣетъ Иванъ Ивановичъ...

— Пожалуйста, пожалуйста... Развѣ я отказываю. Что вы, Иванъ Ивановичъ... Вы должны знать, что вамъ всегда первому... Кому же, какъ не вамъ сообщить...

— Такъ можно надѣяться, что нашъ заводъ все-таки узнаетъ во-время?..

— Ну еще бы! Какая же объ этомъ можетъ быть рѣчь. Только сейчасъ, повторяю, мнѣ ничего неизвѣстно...

Обнадеженный Иванъ Ивановичъ уходитъ, а черезъ мѣсяцевъ пять-шесть объявляютъ заказъ, даютъ задание, но требуютъ выполнить его въ полгода.

— Я васъ перваго пригласилъ, въ такой короткыи срокъ, всего полгода... Вѣдь совершенно новый типъ, нужны чертежи...

— Мы очень благодарны,—мнется русскій агентъ,—только нашъ заводъ не можетъ. Помилуйте, въ такой короткыи срокъ, всего полгода... Вѣдь совершенно новый типъ, нужны чертежи...

— Не мое дѣло, Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ не мое. Такъ въ полгода вы не можете?

— Никакъ нельзя...

— И письменно объ этомъ увѣдомите...

— И письменно увѣдомимъ...

— А вашъ заводъ, monsieur X? Можетъ быть, вы возьметесь?

— Нашъ заводъ всегда въ курсѣ,—заявляетъ французъ.— Мы беремса выполнить заказъ даже въ пять мѣсяцевъ.

И заказъ передается monsieur X, который зналъ о немъ уже мѣсяцевъ за пять и заблаговременно приготовилъ чертежи...

Очень характерно. Чего же можно ждать добраго при такомъ отношеніи къ русскимъ интересамъ. И некого винить—сами виноваты. О патріотизмѣ—нечего уже и говорить.

* *
* *

Одинъ изъ сотрудниковъ „Р. Земли“ передаетъ слѣд. рассказъ своего знакомаго про его встрѣчу съ православнымъ священникомъ, пріѣхавшимъ изъ-за границы въ Россію:

„Сижу я, — говоритъ онъ мнѣ, — у одного своего знакомаго. Зволочъ... Въ прихожую входитъ пролично одѣтый штатскій господинъ. На головѣ модный котелокъ, самъ онъ въ пиджакъ, въ черномъ галетукѣ...“

„Насъ знакомятъ другъ съ другомъ. Оказывается, это священникъ русской церкви въ одномъ заграничномъ городѣ. Пораженный, вглядываюсь въ него пристальнѣе: есть ли въ немъ хоть что-нибудь похожее на священника. Ровно ничего. Даже волосы коротко обстрижены. Правда, апломба хоть отбавляй, но это не обычный авторитетный голосъ пастыря; очевидно, батюшка чувствуетъ себя прежде всего европеемъ и чуть-чуть видитъ въ насъ, своихъ собесѣдникахъ, варваровъ-русскихъ. Впрочемъ, это обычное явленіе: какъ русскіи челоѣкъ пожилъ долго за рубежомъ, то, вернувшись оттуда, онъ пріобрѣтаетъ особенный поучающій тонъ: дескать, что на васъ смотрѣть: вы тутъ лаптемъ щи хлебаете, а мы виды видали“.

„Разговоромъ руководилъ онъ, не безъ удовольствія прислушиваясь къ себѣ и заставляя слушать окружающихъ. Мимоходомъ коснулася онъ своихъ теперешнихъ посѣщеній московскихъ храмовъ и бросилъ нѣсколько юмористическихъ замѣчаній, какъ въ Москвѣ кое-кто служить. Опять-таки и эти замѣчанія, брошенныя вскользь, носили свѣтскій характеръ, свѣтскій тонъ. Ему задала вопросъ: а какъ же его Церковь теперь?“

Онъ отвѣтилъ совершенно небрежно:

„Ну, теперь моя церковь *не функционируетъ* (подлинное его выраженіе). Сезонъ кончился. Русскіе разъѣхались. На службѣ никто не бываетъ, вотъ и я теперь въ отпуску“.

„И сейчасъ же сталъ распространяться, какъ пріѣзжіе русскіе постоянно обращаются къ нему, какую массу услугъ — и мелкихъ и крупныхъ — приходится ему имъ оказывать, рассказала нѣсколько случаевъ. — и смѣшныхъ и трогательныхъ, — по этому поводу. Съ нимъ очень интересно поговорить, и онъ собесѣдникъ прекрасный“.

„Все же эта встрѣча оставила по себѣ очень тяжелое, какое-то особенно неприятное настроеніе“.

Дѣйствительно...

Въ 1905 году въ „Русскомъ Листкѣ“ стали появляться статьи одного московскаго священника. Въ нихъ онъ плакался на положеніе нашего духовенства и тутъ же указывалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, теперь существенно необходимо принять для „раскрѣпощенія“ лицъ духовнаго званія. Эти мѣры частично касались именно такого „обмірщенія“ духовенства — и въ крупномъ, и въ такихъ, казалось бы, мелочахъ, какъ ношеніе свѣтскаго платья, права посѣщать театры, стричь волосы и т. д.

Эту программу уже выполнило наше заграничное духовенство. Благодаря этому, оно возбуждаетъ даже кое-какую зависть въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ батюшекъ и отцовъ дьяконовъ. Имъ эта ихъ „обновленная“ жизнь кажется какимъ-то раемъ.

Я слышала про одного молодого дьякона, занимавшаго прекрасное мѣсто, благодаря своему голосу. Онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы перевестись за границу, и, добившись этого, былъ въ полномъ восторгѣ, хотя и лишился, благодаря переводу, значительной части своихъ доходовъ.

Почему же?

„Какъ же! — говорилъ онъ: — пріѣду туда, буду совсѣмъ свѣтскимъ челоѣкомъ, буду ходить въ свѣтскомъ платьѣ, не буду выдѣляться изъ толны, стану посѣщать театры. Другая жизнь — свободная, свѣтлая“.

Какъ просто и какъ грустно.

Но вѣдь, казалось бы, что тутъ особеннаго? Почему вотъ я, мирянинъ, глядя на такого „обмірщившагося“ священника или слыша о немъ, испытываю такое же тоскливое воющее чувство, какое я испытывалъ въ дѣтствѣ: бывали у меня „на донѣ природы“ любимыя одинокія мѣста для гулянья, нетронутыя слово и неисковерканныя рукой челоѣвка. На слѣдующій гоѣзъ приходишь туда погулять, — а тамъ ужъ взгромоздилась или дача съ крикливыми обитателями, или — что хуже того — какое-нибудь торговое заведеніе.

Такъ и тутъ. Грустно видѣть это превращеніе священника въ зауряднаго, даже можно сказать, пошлаго обывателя. Яса хранить отъ этого даже самаго

ведостойнаго служителя Церкви, пиджакъ покрываетъ его эту обывательскою пошлостью съ погъ до головы.

Есть за границей одинъ священникъ — чудеснѣйшій человѣкъ... Но какъ я на него могу смотрѣть, какъ на священника, когда я вижу его въ штатскомъ платьѣ, необязательно толстаго, чуть что не до Фальстафоваго вида, и знаю, что это произошло отъ его любви къ пиву, безъ котораго онъ не можетъ обойтись. Правда, онъ лѣнится отъ толщины и для этого ѣздитъ на велосипедѣ. Сопоставьте все это — толстое брюхо, пиво, велосипедъ и пиджакъ. Является почти каррикатура изъ юмористическаго журнала.

И вмѣстѣ съ пиджакомъ рождается въ священникѣ такое же „пиджачное“ настроеніе. Оно проблеснуло въ вышеупомянутыхъ словахъ: „Церковь не функционируетъ“. Что это такое? „За неприбытиемъ законнаго числа членовъ собраніе не состоится“ или „за отсутствіемъ публики спектакль отменяется“. Какъ-то хочется напомнить этому батюшкѣ слова митрополита Филарета по такому же поводу: „Служить надо для ангеловъ, если прихожане не пришли въ Церковь“. Но это уже другая вопрость; мнѣ хотѣлось бы только указать именно на это „пиджачное“, „обывательское“ ополдеше сана.

Этимъ пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Представьте, что такое заграничное „обмирщеніе“ дошло уже до того, что священникъ въ пиджакѣ явится и напутствовать умирающаго — и притомъ глубоко, старозавѣтно вѣрующаго. Какое впечатлѣніе произведетъ на такого человѣка такое соединеніе—пиджакъ и исповѣдь, пиджакъ и чаша со Св. Тайнами?

Я разсуждаю какъ мряининъ. И не хочу касаться этого вопроса о священникѣ въ пиджакѣ слишкомъ глубоко. Мнѣ извѣстно, какъ дорого на чужбинѣ встрѣтить уголокъ своего, роднаго... Но нужно, чтобы этотъ уголокъ былъ неприкосновененъ, чтобы чужбина его не взяла подъ свое влияние... А вѣдь тутъ дѣло касается не до какого-нибудь сантиментальнаго воспоминанія о родинѣ, а дѣло идетъ о Вѣрѣ. Въ вѣрующемъ русскомъ живетъ здоровый консерватизмъ, не допускающій ни малѣйшаго диссонанса въ дѣлахъ Вѣры, гдѣ все должно быть дѣльно и гармонично. А пиджакъ на священникѣ—вѣдь это диссонансъ вопиющій. Ну и будетъ этотъ священникъ гидомъ, комисонеромъ, консуломъ,— въ лучшемъ случаѣ, полусвященникомъ.

Хорошо ли это даже съ указанной мною, единственно мною затрогнутой точки зрѣнія?

По-моему, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Яркая картинка. Со многими разсужденіями автора приходится вполне согласиться. Но по поводу словъ: „какъ я могу на него смотрѣть, какъ на священника, когда вижу его въ штатскомъ платьѣ, необязательно толстаго и знаю, что это произошло отъ любви къ пиву...“— не можемъ не замѣтить: при чемъ же тутъ одежда? Развѣ такого же вида и съ такою любовью къ пиву пастыръ въ рясѣ становится симпатичнѣе? Мы разъ видѣли на вокзалѣ священника, сидѣвшаго за столомъ, заставленнымъ пивными бутылками, — и курившаго сигару. Признаемся, мы пожалѣли, что онъ былъ въ рясѣ. Будь въ пиджакѣ — меньше вышло бы соблазна. Мы не за пиджакъ... Боже храни! мы стояли бы за рясу и за границей,—но, по нашему мнѣнію, дѣло не въ одеждѣ, а въ поведеніи; ибо престижъ поддерживается не рясой и не ею защищается санъ. Священникъ съ сигарой во рту одинаково несимпатиченъ — въ рясѣ онъ или въ сюртукѣ.

~ * ~

Въ сентябрѣ настоящаго года истекаетъ 35-лѣтіе со дня смерти А. К. Толстаго. Мы не даемъ статьи о немъ въ „Свѣточѣ“, п. ч. А. К. Толстой входитъ въ число тѣхъ десяти поэтовъ, характеристику которыхъ дадимъ въ общанномъ нами безпл. приложеніи: *Русские поэты* (портр., біогр. и характеристики).

НЕКРОЛОГИ.

I.

† Протоіерей М. И. Горчаковъ.

Еще смерть выдающагося человѣка въ средѣ нашего духовенства. Умеръ протоіерей Михаилъ Ивановичъ Горчаковъ, бывший профессоромъ въ Спб. университетѣ.

Покойный завѣщаль вѣнковъ на гробъ не возлагать и рѣчей не произносить. Скромно и задумчиво вышло погребение М. И., и эта скромная простота, лишенная, по волѣ М. И., обычной погребальной помпезности, еще больше объединила въ горѣ друзей, учениковъ и товарищей, пришедшихъ отдать послѣднюю дань усопшему, который въ своемъ лицѣ далъ образецъ разносторонняго дѣятеля, примѣнявшаго свои богатые силы на тѣхъ поприщахъ, гдѣ онъ могъ быть полезнымъ и былъ таковымъ.

М. И. умѣлъ черпать изъ сокровищницы жизни все, что щедрой рукой предлагалось ему, и далъ удивительное сочетание жреца науки, пастыря, учителя, публициста, выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля, чутко прислушивавшагося къ голосу жизни, къ ея требованьямъ и запросамъ. Если прибавить сюда независимость суждений, открытое исповѣданіе принциповъ, согласованіе слова съ дѣломъ, то характеристика облика М. И. будетъ закончена.

Будучи много лѣтъ тому назадъ за границей, М. И. ради чистаго знания, помимо всякаго внѣшняго вліянія, учился въ заграничныхъ университетахъ. Въ результатѣ—передъ нами профессоръ и ученый крупной величины въ избранной имъ специальности. Какъ священникъ, М. И. настолько выдавался среди духовной среды, что послѣдняя послала его представителемъ своихъ интересовъ въ преобразованный Государственный Совѣтъ, и на этомъ выборѣ сошлись и мѣстное духовенство, и Св. Синодъ, утвердивши избраніе на новый постъ М. И.

Какъ профессоръ и учитель, М. И. давалъ своимъ ученикамъ рѣдкій примѣръ прилежанія, трудоспособности и возможности совмѣщать безъ всякаго ущерба различныя обязанности и сохранить по самый конецъ много лѣтней жизни бодрость тѣла и духа, вѣру, надежду и любовь къ человѣку...

Старые люди уходятъ со сцены жизни и новыя молодыя силы смѣняютъ ихъ. Таковъ неумолимый человѣческій законъ. Онъ примиряетъ съ неизбежностью смерти всякаго человѣка. Но боль въ сердцѣ и скорбь по утратѣ остаются тѣ же и не могутъ быть уничтожены холодными разсужденіями о неизбежномъ исходѣ.

Безшумно и безъ триумфа прошелъ священникъ-профессоръ свой долги жизненный путь, полный труда для человѣка и за человѣка. И память о немъ переживетъ, несомнѣнно, его земную жизнь и еще долго будетъ жить въ сердцахъ знавшихъ его... („Спб. В.“, А. Новоземовъ.)

II.

† К. П. Степановъ.

Искусство и отчасти наша периодическая печать понесли тяжелую потерю въ лицѣ почившаго Клавдія Петровича Степанова.

Истинный художникъ-академикъ, по образованію и своей дальнѣйшей карьерѣ—говорятъ „М.-Вѣд.“ — покойный приобрѣлъ извѣстность еще во время продолжительнаго пребыванія за границей, особенно въ Италіи. Многія картины его были высоко оцѣнены на выставкахъ. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ его потянуло на родину, гдѣ онъ сблизился съ редакцией *Московскихъ Вѣдомостей*, и съ половины 1903 года началъ доставлять матеріалъ для отдѣла „Художественныя новости“; здѣсь онъ знакомилъ то съ выставкой изображеній Христа и Богоматери, то съ новыми произведеніями кисти В. М. Васнецова и другихъ художниковъ, то съ заграничными открытіями въ области церковнаго искусства. Эти замѣтки, всегда изложенныя живо и интересно, продолжали появляться на страницахъ газеты и въ послѣдующіе годы, пока несчастная русско-японская война и затѣмъ такъ называемое „освободительное движеніе“ не побудили К. П. Степанова откликнуться на бѣдственное положеніе родины. Съ 1905 года, на ряду съ „художественными замѣтками“, онъ выступилъ съ длиннымъ рядомъ статей: „Къ современному положенію Россіи“ (№ 46), „Указъ и рескриптъ“ (№№ 63 и 117), „О представительствѣ“ (№№ 66 и 189), „Интеллигенція и школа“ (№ 135), „Задачи русской политики“ (№ 142) и друг. Особенно замѣчательныя статьи покойнаго Клавдія Петровича появились въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ прошломъ 1909 году. Назовемъ: „В. Д. Полѣновъ и его картины изъ жизни Христа“ (№ 92), вызвавшая общее вниманіе статья, „По поводу памятника Гоголя“ (№ 96), затѣмъ „Драгоцѣнное достояніе русскаго народа“ (№ 101) и послѣдняя статья въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* „Памятникъ Имп. Александру III“. Покойный не ограничивался помѣщеніемъ статей въ *М. В.*, но писалъ еще очень много въ *Московскомъ Голосѣ*, газетѣ имъ же основанной и редактируемой.

Въ то же время продолжалась и художественная дѣятельность К. П. Степанова, но уже на новой почвѣ иконописи. Памятниками талантливыя дѣятельности почившаго К. П. Степанова останутся: основанная имъ при Донской обители „школа иконописнаго дѣла“ и высокохудожественные образы и стѣнная живопись въ „храмѣ-усыпальницѣ“ Великаго Князя Сергія Александровича при Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. Пусть же эти „дѣла искусныхъ рукъ“ и проявленія художественнаго дарованія доставятъ почившему *вѣчную память*.

III.

† Михаилъ Прововичъ Садовскій.

Въ ночь на 21 юля отъ кровоизлиянiя въ мозгъ скончался артистъ Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ, Михаилъ Прововичъ Садовскій. М. П. родился 12 ноября 1847 г. въ Москвѣ, въ домѣ своей бабушки. Онъ былъ единственнымъ сыномъ знаменитаго артиста, Прова Михайловича Садовскаго (1818 — 1872 гг.). Начавъ свое образование въ четвертой московской гимназiи, а за тѣмъ перейдя въ третью, М. П. захворалъ тяжелой глазной болѣзнью и вслѣдствiе этого долженъ былъ закончить образование дома. У отца Садовскаго очень часто бывали Островскій, Писемскiи, Мей, Ап. Григорьевъ, Н. Бергъ и другiе извѣстные тогда представители интеллигентной Москвы. Эта обстановка и опредѣлила призванiе молодого Садовскаго къ театру и литературѣ. Впервые онъ выступилъ на сценѣ въ 1867 г. въ Артистическомъ кружкѣ, въ роли Андрея въ пьесѣ Островскаго „Въ чужомъ пиру похмелье“. На казенной сценѣ Малаго театра М. П. дебютировалъ 17 октября 1869 г. въ роли Подхалюзина („Свои люди сочтемся“). Лучшими ролями М. П. Садовскаго считались: Андрей Бѣлугинъ, Мурзавецкiй („Волки и Овцы“), Счастливецъ („Лѣсъ“), Хлестаковъ („Ревизоръ“), Мелузовъ („Таланты и поклонники“), Лепорелло („Каменный Гость“) и друг. („Н. Время“).

НА ПОМОЩЬ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

1

Сельская начальная школа.

В настоящее время часто приходится читать об открытии начальных школ. Казалось бы, что прежде чѣмъ составлять списки предполагаемыхъ къ открытию школъ, необходимо разобраться въ основныхъ вопросахъ школы, но о такой работѣ очень мало слышно. Значеше же начальной сельской школы такъ громадно, что изучеше ея дѣятельности необходимо.

Часто говорится на различныхъ сѣздахъ и въ разныхъ комиссияхъ о связи начальной школы съ городскимъ училищемъ и объ отношеніи послѣдняго къ средней школѣ. Конечно, такая связь желательна, но она не имѣетъ такого существеннаго значенія, какъ слѣдующіе вопросы: что даетъ сельская начальная школа народу? каковы ея воспитательные и образовательные результаты? и какими путями улучшить школу? Эти вопросы остаются безъ должнаго освѣщенія.

Съ тѣмъ воспитательнымъ влияніемъ, которое оказывала до сего времени сельская и вообще народная школа, мириться никакъ нельзя: оно слишкомъ ничтожно. Жизнь показываетъ, что учившіеся въ школѣ крестьяне очень часто скорѣе поддаются злу, чѣмъ неграмотные. Въ качествѣ материала по этому вопросу привожу многолѣтнія наблюдения земскаго начальника и судебного слѣдователя. Каждый изъ нихъ говоритъ: «Я далекъ отъ мысли обвинять школу, но долженъ сказать, что въ неграмотномъ крестьянинѣ есть что-то, удерживающее человѣка отъ дурнаго поступка, а въ грамотномъ ничего нѣтъ». Это не пустые слова: въ нихъ много правды. Грамотность даетъ человѣку больше свободы, и грамотный, но не получивши добрыхъ навыковъ, скорѣе становится на путь, ведущи въ царство тьмы.

Существующая школа кромѣ грамотности ничего не даетъ. Она такъ сказать, фабрика грамотности, работающая по зимамъ, а не свѣточъ. Съ такой школой оставаться нельзя. Деревнѣ нужна

не фабрика, а расадникъ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Какимъ же образомъ создать такую школу? Съ чего начать? Начать слѣдуетъ съ того, кто составляетъ душу школы, — съ учителя.

Въ области педагогики безъ любви къ дѣтямъ не бываетъ успѣха. На нивѣ народнаго просвѣщенія безъ любви къ народу тоже нельзя ждать плодовъ. Необходимо, чтобы въ народномъ учителѣ прежде всего была любовь къ народу. Но только та любовь, о которой писалъ Достоевскій и которую прекрасно развилъ А. В. Кругловъ въ своей бесѣдѣ: «Любовь къ народу» *). Необходимо, чтобы учитель народа и вѣрилъ въ Того, въ Кого вѣрить народъ, и любилъ то, что любить народъ.

Религиозное настроеніе учителя нужно поставить (на первомъ мѣстѣ. Учитель нерелигиозный — слишкомъ уродливое явленіе въ деревнѣ, и школа съ такимъ учителемъ никогда не привлечетъ сердца народнаго, а будетъ искусственнымъ нарощеніемъ на его тѣлѣ. Отношеніе школы къ Церкви должно быть отношеніемъ народа къ Церкви. Для народа Церковь мать и для школы она мать. Разница тутъ только въ томъ, что школа освобождаетъ отъ предразсудковъ и суевѣрій.

Чтобы учитель обладалъ сознательно любовью къ народу и религиознымъ настроеніемъ, нужно дать ему серьезное образованіе, а не то, которое даютъ учительскія семинаріи. Затѣмъ, учитель, рѣшившійся отдаться просвѣтительной дѣятельности среди народа, долженъ жить всегда съ народомъ, т. е. ему необходимо не только зимою, но и лѣтомъ жить въ деревнѣ. Кромѣ того, очень важнымъ условіемъ нужно считать слѣдующее положеніе: учитель какъ можно дольше долженъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Тогда можно будетъ ждать воспитанія отъ школы, когда черезъ руки учителя пройдетъ нѣсколько поколѣній, которыя будутъ знать его не только по школѣ, но и по жизни.

Школа должна быть расширена. Опытъ показываетъ, что за три года она оставляетъ на ученикѣ такой слабый отпечатокъ, который быстро стирается съ него жизнью. Поэтому курсъ одноклассной школы слѣдуетъ сдѣлать четырехлѣтнимъ, а не трехлѣтнимъ. Четырехлѣтняя одноклассная школа теперь явленіе не новое, но лишній годъ въ этихъ школахъ идетъ только на увеличеніе программы. Программа же школы нуждается не такъ въ увеличеніи, какъ въ освѣженіи. Обученіе въ начальныхъ школахъ, несмотря на свой крохотный объемъ, очень книжно и отвлеченно. Взять хотя бы русскій языкъ, который занимаетъ центральное положеніе въ школѣ. Съ конца перваго года обученія уже вводится грамматическій матеріалъ въ цѣляхъ усвоенія правописанія. Съ конца втораго года обученія дѣти начинаютъ натаскиваться грамматическими свѣдѣніями, чтобы могли въ послѣднемъ третьемъ отдѣленіи на экзаменѣ устно протрещать о каж-

*) Февральскій № „Дневника Писателя“ за 1910 годъ.

Устный счет.

Богдановъ-Бѣльскій.

дой части рѣчи нѣсколько трафаратныхъ грамматическихъ отвѣтовъ. Я говорю устно, подчеркивая это слово, ибо письменно дѣти читаютъ самыя главныя правила, что и доказываютъ своими грубыми ошибками. И неудивительно: большая часть времени ушла на схоластическое ознакомленіе съ грамматикой, а неестественный методъ правописанія не можетъ сопровождаться успѣхомъ.

Въ чемъ же заключается неправильность принятаго въ школѣ метода правописанія? Въ томъ, что онъ построенъ не на навыкѣ, а на сознаниі. Сознаніе, пониманіе, — эти понятія имѣютъ очень важное значеніе, но начальная школа злоупотребляетъ ими. И вотъ результаты этого злоупотребленія: ученику показываютъ его грубую ошибку, онъ приводитъ правило, противъ котораго ва грѣшить, но черезъ пять минутъ ошибку повторяетъ. И въ этомъ виновато не одно только невниманіе ребенка, а, главнымъ образомъ, преподаваніе.

Экспериментальною психологіею выяснено, что основаніемъ правописанія служатъ зрительныя впечатлѣнія, для приобретѣнія которыхъ пужно на первое мѣсто поставить списываніе выученнаго наизусть и затѣмъ диктовку, матеріаломъ для которой можетъ служить только то, въ списываніи и чтеніи чего дѣти упражнялись ранѣе. Ушинскій въ методикѣ преподаванія къ «Родному Слову» рекомендуетъ въ начальной школѣ ошибки предупреждать, а не исправлять.

Этотъ взглядъ въ корень правописанія очень вѣренъ. На немъ начальная школѣ и слѣдуетъ обосновать правописаніе. Очень глупо также слышать худое, безтолковое чтеніе въ школѣ и въ то же время большую трескотню о частяхъ рѣчи.

Выйдетъ изъ школы ученикъ, черезъ недѣлю всѣ его грамматическія знанія улетучились, и онъ остался съ убогимъ чтеніемъ и письмомъ. Было бы больше смысла и пользы, если бы начальная школа во главу угла положила навыки, а не знанія. Хорошіе навыки съ человѣкомъ будутъ до его могилы, а слабыя, удерживаемыя одною памятью, знанія теряются очень скоро.

Арифметика тоже стоитъ на ложной дорогѣ въ школѣ. Центральное положеніе въ этомъ предметѣ долженъ занимать устный счетъ. А между тѣмъ со второй половины второго года обученія начинается сдвигъ въ сторону письменныхъ вычисленій. Весь же третій годъ обученія главнымъ образомъ тратится на изученіе письменныхъ дѣйствій и на сложное записываніе рѣшенія и объясненія задачъ.

Отсутствіе солидной подготовки мѣшаетъ обыкновенному учителю разумно преподавать этотъ предметъ: учителя сбиваетъ съ толку множество арифметическихъ методикъ и руководствъ. Облуживаетъ онъ не вполне сознательно какую-нибудь методику и служить ей рабомъ до тѣхъ поръ, пока горькій опытъ не разочаруетъ его въ ней. Результатомъ же неумѣлаго преподаванія является сухость уроковъ по этому предмету. А какимъ интересомъ могутъ быть полны уроки арифметики въ начальной школѣ, объ этомъ

краснорѣчиво говорить картина Богданова - Бѣльскаго—«Устный счетъ».

На картинѣ представленъ профессоръ Рачински, окруженный учениками въ школьной обстановкѣ, около классной доски, на которой написано нѣсколько чиселъ. Глаза дѣтей, ихъ лица и позы производятъ такое впечатлѣнiе, что, всматриваясь въ картину, переживаешь и дѣтскія усилія понять объясняемое и полное удовлетворенiе, которымъ разрѣшается работа дѣтскихъ душъ. Долго не выходитъ изъ головы эта картина, долго думается, что дѣти, прослушавши такой урокъ, и дома къ родителямъ пристанутъ съ разсужденiями о предметѣ урока и на другой день будутъ возвращать профессора къ темѣ этого урока.

Всѣ уроки въ школѣ не могутъ быть такими сильными, по каждый урокъ долженъ приближаться къ тому, что художникъ на полотнѣ назвалъ урокомъ.

Въ сельской начальной школѣ съ 4-хгодичнымъ курсомъ въ увеличенн. программы по основнымъ предметамъ—русскому языку и ариметикѣ, необходимости нѣтъ. Важно, чтобы дѣти основательно усвоили то содержанiе этихъ предметовъ, которое заключается въ программѣ для 3-хгодичной школы. Но вотъ что необходимо ввести въ 4-хлѣтнюю школу, это—небольшой курсъ естествовѣдѣнiя. Этотъ предметъ теперь такъ хорошо разработанъ, что путемъ ли объяснительнаго чтенiя, или путемъ самостоятельныхъ бесѣдъ, школа можетъ сообщить кругъ знанiя, который для крестьянскаго населенiя будетъ имѣть большую цѣну.

Расширенiе сельской школы должно итти дальше измѣненiя или увеличенiя предметовъ школьнаго обученiя: каждой школѣ слѣдуетъ имѣть садъ, огородъ, пасѣку, и вести преподаванiе ремесла какъ для учениковъ, такъ и для кончившихъ школу подростковъ.

Учебныхъ дней въ году всего около 150. Въ остальное время года двери почти всѣхъ нашихъ школъ закрыты. Этого быть не должно. Пусть школа свѣтитъ всегда. Пусть лѣтомъ дѣти и поселяне въ свободный для нихъ часъ идутъ въ школьный садъ, или огородъ, или на пасѣку и знакомятся тамъ съ правильной постановкой дѣла. Пусть мимо школы не проѣзжаютъ агрономы, а устраиваютъ при ней показательные участки по сельскому хозяйству, а инструкторы плодоводства и пчеловодства—бесѣды по своей специальности.

Вотъ какое расширенiе школы желательно: оно поможетъ ей разливать свѣтъ во всѣ темные углы деревни.

С.

II.

Ржавчина жизни.

„Чрезмѣрный трудъ, — сказалъ покойный папа Левъ XII, — пожираетъ и нервно истощая тѣло, разрушаетъ и души, въ которыхъ отпечатлѣны

образъ и подобіе Божіе. Люди прикованы къ материи, подавлены и истощены ею. И жизнь духа замираетъ въ несчастныхъ жертвахъ труда, возобновившаго рабство древнихъ. Все, что возвышаетъ человѣка и возвращаетъ его къ тому, что Богъ, Царь творенія, предназначилъ своимъ дѣтямъ по усыновленію наслѣдникамъ Небеснаго царства, все постепенно утратило цѣну въ глазахъ міра, забыто. Человѣкъ остался наединѣ съ животнымъ инстинктами, безсильный обуздать ихъ“.

Неужели и намъ грозитъ та же участь? Неужели и у насъ капитализмъ посягаетъ не только на вѣншній „ликъ“, но и на внутренній „образъ и подобіе“?

Эти ужасающія преступленія, насилия, звѣрства и самоубійства, самоубійства...

Предоставимъ ученымъ толковать объ объективныхъ законахъ, по которымъ всякое общество должно неминуемо пройти послѣдовательно извѣстныя стадии. Вокругъ себя мы можемъ замѣтить признаки воцаренія строя, при которомъ человѣкъ ничего не стоитъ и никто за цѣлость души его не отвѣчаетъ.

Посмотрите на многія интеллигентныя семьи. Та отвѣтственность, которую несъ прежде глава семьи, отвѣтственность отца, снята съ него новыми идеалами „освобожденія“. Какъ часто дѣти являются въ семьѣ всего только постояльцами, духовно ничѣмъ не связанными между собою! Семья уже не нравственная ассоціація, но часто матеріальная. Родители не берутъ на душу отвѣта за дѣтей. Дѣти не обязаны ничѣмъ по отношенію къ родителямъ. Еще шагъ — и передъ нами прославленная спена, столь характерная для буржуазной семьи былого западнаго коммерсанта: отецъ даетъ горсть рублей подростшему сыну, а затѣмъ иди на всѣ четыре стороны, борись за существованіе: всплывешь — хорошо, погибнешь — самъ виноватъ. Взаимное равнодушіе, воцарившееся въ семьѣ, признакъ времени. Старая семья, гдѣ существовала отвѣтственность предъ нравственнымъ идеаломъ отца за дѣтей, предъ „гениемъ рода“, исчезаетъ вмѣстѣ съ понятіемъ о родовой чести. Посмотримъ дальше. Существуетъ ли въ современной школѣ отвѣтственность наставника за душу и судьбу ученика? Нѣтъ, ея не существуетъ. Ученику „предлагается“ исполнять извѣстные параграфы правилъ. Если онъ не исполняетъ ихъ, его выкидываютъ за бортъ. Никто не станетъ думать о подавленіи дурныхъ инстинктовъ ребенка и развитіи его хорошихъ склонностей. Никому не хочется, да и некогда „возиться“. Звонки, расписанія, виць-мундиры, уставы, параграфы... Человѣка нѣтъ. Никто, никто ни беретъ на свою душу отвѣтственности за цѣлость чужой личности. Никто не хочетъ „возиться“ съ ближними. Отношенія отца къ сыну, наставника къ ученику, начальника къ подчиненному,

пастыря къ пасомому, построенныя на „отвѣтственности“ первыхъ предъ нравственнымъ идеаломъ за души вторыхъ, становятся рѣже и рѣже. „Возиться“ съ ближнимъ, другъ другу „тяготы носить“, сознавать, что обязанъ „дать отвѣтъ“ за „сихъ меньшихъ“... Предъ кѣмъ? И гдѣ тотъ нравственный законъ, который къ этому призываетъ? Въ мірѣ воцарился законъ иной,—законъ свободы, но какъ борьбы и конкуренци.

А главное, намъ некогда, мы заняты, заняты по горло, и намъ тѣсно, слишкомъ много ртовъ на земномъ шарѣ...

Мы видимъ вокругъ себя лишь признаки нарожденія такого строя, при которомъ никто не отвѣтственъ за душу другого, каждый живетъ самъ по себѣ: пока силенъ—занимаетъ мѣсто въ обществѣ, ослабѣлъ—и гибнетъ глухо, незамѣтно, при мертвомъ безучастіи окружающаго.

Человѣкъ ничего не стоитъ при такой общественной организаци, которая вовсе и не имѣетъ цѣлью сохранить человѣческое достоинство всякой души живой... („Н. Вр.“, Н. Энгельгардтъ.)

III.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ.

1.

Средство противъ рака.

Профессоръ Павловъ, извѣстный своими опытами надъ собаками, установилъ, что желудочный сокъ собаки оказываетъ цѣлебное дѣйствіе при болѣзняхъ рака, катара и другихъ желудочныхъ заболѣваніяхъ. Для добыванія сока проф. Павловъ приобрѣлъ огромнаго санъ-бернара. Собакѣ перерѣзали пищеводъ и добываютъ изъ послѣдняго желудочный сокъ. На желудочный сокъ собаки поступаютъ огромныя заказы. („Океан. Вѣсти.“).

2.

Средства отъ холеры.

О лѣченіи холеры въ газ. „Россия“ помѣщено слѣд. письмо д-ра Федорова.

Камфарный спиртъ доктора Рубини за границей блестяще оправдалъ себя во всю эпидемію. Приготовление его просто. Въ 96 проц. спиртъ всыпается камфара до тѣхъ поръ, пока она при постоянномъ взбалтываніи перестанетъ распускаться. При первыхъ симптомахъ, напоминающихъ симптомы

холерного заболѣванія, какъ-то: боли въ головѣ и подъ ложечкою въ желудкѣ, также при тошнотѣ даются 5—6 капель на щепоткѣ сахарнаго песку. Часто достаточно бываетъ одного приема этого безвреднаго лѣкарства, чтобъ остановить развитіе болѣзни; но если симптомы эти не ослабѣваютъ, то слѣдуетъ продолжать приемы лѣкарства черезъ каждыя 10 минутъ. Если есть возможность, то больного растираютъ камфарнымъ спиртомъ и даютъ его нюхать. Само собою разумѣется, что ухаживающіе за больнымъ должны также принимать этотъ спиртъ, съ полной увѣренностью въ безопасности ухода за больнымъ.

3.

Простое средство избавить отъ оводовъ животныхъ.

При-Иртышные казаки съ этой цѣлью покрываютъ лошадей въ дорогѣ обрывкомъ рыбей сѣти, вываренной въ простомъ самаго низкаго сорта рыбьемъ жиру. Такая сѣть, положенная подъ шлею, дѣлаетъ то, что овода почти совершенно не садятся на лошадь, если же какой и сядетъ, то немедленно улетаетъ, не причиняя укусовъ лошади.

Даже несплошное покрытие тѣла лошади сѣтью почти вполне избавляетъ животное отъ оводовъ. Случалось ѣхать на парѣ лошадей, изъ которыхъ только на коренника былъ наброшенъ небольшой кусокъ сѣти. Но такъ какъ въ дорогѣ овода страшно нападали на пристяжную, то возница-казакъ, не долго думая, разорвалъ обрывокъ сѣти пополамъ и покрылъ лоскутами только область холки и груди у обѣихъ лошадей и этимъ почти избавилъ ихъ отъ оводовъ.

V.

КНИГИ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ, ДѢТСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

II.

По церковной исторіи.—Житіе святыхъ.

11. Разсказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ: св. Алексѣй Божій человекъ, Филаретъ Милостивый, Марія Египетская. — *Б. Алмазова. II. 25 к.* (Содержательно и хорошо написаны.)
12. Св. Павелъ Вивейскій, первый пустынножитель, и св. Антоній, основатель монастыря. — *Ц. 20 к.* Безусловно необход. книжка въ каждой школьной и семейной библиотекѣ.

13. **Жизнь св. преп. мученицы Евдокии.**—Ц. 10 к. (Изд. Глушкова.) (Какъ хорошее воспитывающее чтение,—эта книжка крайне желательна въ библиотекѣ для дѣтей старшаго возраста. Всѣ въ семьѣ ее прочтуть съ интересомъ и пользою.)
14. **Митрополитъ Филиппъ.**—Очеркъ Толычевой. Ц. 20 к.
15. **Печальникъ земли Русской.** (Св. Филипъ митроп. московскій). А. Н. Догановичъ.—Изд. 4-е. Ц. 40 к. Обѣ книжки интересно написаны. Книжка г-жи Догановичъ—полиће и ярче обрисовываетъ личность митрополита, мученика и въ историческомъ отношеніи даетъ болѣе широкую картину того времени. Она равно пригодна какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.
16. **Издание «Мирскаго Вѣстника»: Исповѣдникъ Феодоръ—Ц. 47 к.—Св. Андрей Христа ради юродивый.—Ц. 7 к.—Житіе преп. Іосифа Пѣснописца.—Ц. 7 к. Житіе пр. Пахомія Великаго.—Ц. 7 к. Житіе Свв. муч. Фрола и Лавра.—Ц. 7 к. Житіе пр. и богоноснаго отца Симеона Столпника.—Ц. 7 к.—Житіе преп. Кирилла Бѣлозерскаго.—Ц. 7 к.—Св. Дмитрій митрополитъ Ростовскій.—Ц. 7 к.—Житіе Св. Стефана Пермскаго — Ц. 7 к.** (Изложение краткое, простое. Особенно пригодны для библиотекъ сельскихъ школъ.)
17. **Житіе и подвиги пр. и богоноснаго отца нашего Сергія игумена Радонежскаго и всея России чудотворца.** Сост. іеромонахомъ (нынѣ епископомъ) Никономъ. (Превосходная книга. Много иллюстраціи, интересный и обстоятельный текстъ. „Читаю и не могу начитаться“—вотъ отзывъ о книгѣ изъ среды самой читающей публики. Эту книгу обязательно нужно имѣть въ каждой школьной и семейной библиотекѣ.)
- 18.—**Житіе, подвиги, чудеса и открытіе св. мощей преп. Серафима, Саровскаго чудотворца.**—Л. Денисова.—Изд. Ступина. (Подробное и живое изложение.)

КРАСНЫЯ СЛОВА.

(Полезная памятка.)

1. Если ты въ день бѣдствія оказался слабымъ, то бѣдна сила твоя. *Изъ притчъ Соломоновыхъ.*
2. Современная молодежь хочетъ учить, еще не научившись ничему. Хочетъ жить съ комфортомъ— не трудясь. Причисляя себя къ социалистамъ и бредя революцией— большинство ея буржуазно, хищнически эгоистично. *Изъ письма стар. врача.*
3. Тотъ, кто свои прежнія дурныя дѣла покрылъ потомъ добрыми, — свѣтитъ въ этомъ мрачномъ мѣрѣ какъ мѣсяцъ въ облачной ночи.
Буддйск. мудрость.
4. Всѣ великіе народы познавали правду и пріобрѣтали силу мысли благодаря войнѣ; они занимались войною и развращались миромъ. Это ужасно, но это фактъ. *Рёскинъ.*
5. Русскіи народъ знаетъ свою исторію не столько по политическимъ и военнымъ событіямъ, сколько по подвижникамъ вѣры и правды. *Митр. Антоній.*
6. Лучше короткая, но свѣтлая жизнь, чѣмъ долгая, но мрачная. *Микъшинъ.*
7. Вѣра и сила— вотъ что спасало Россію. Вѣра и сила— это крестъ и мечъ. *М. Меньшиковъ.*
8. Японецъ опасный врагъ именно потому, что въ головѣ у него большой порядокъ. *Драгомировъ.*
9. Чувство уваженія къ великому и есть истинный аристократизмъ. *М. Меньшиковъ.*
10. Отъ безхарактерности гибнутъ не только люди, но и цѣлыя народы.
Г. Лебонъ.
11. Хорошо сознавать умирая: не праздно прожита жизнь.
Рачинскій.
12. Молитва не исключаетъ пѣсни.
Н. Соловьевъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

(Отвѣты Редакци и Конторы.)

Вологда. П — у. — О Пироговъ будетъ дана (въ ноябрьской книжкѣ) статья автора такъ понравившагося вамъ очерка „Тоска“.

Орель. — Педагогу. — Вы не ошибаетесь, находя статьи полковника Дормана „лучшими изъ числа журнальныхъ статей объ авіаціи“. Такого же мнѣнія многие читатели изъ военной среды.

Вильна. — Военному. — Не вы одни такого же лестнаго мнѣнія объ очеркахъ ген. Бѣльковича — „Сандепу и Мунденъ“.

Кіевъ. — З — му. — Научныя статьи Лысковскаго возобновятся съ окт. №. Многие читатели находятъ ихъ очень полезными и интересными.

У—нь. — В. К. — Не будетъ напечатано.

Секретарь редакци **М. Орѣшникова.**

Конецъ.

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**

Сочиненія А. В. КРУГЛОВА.

(Для взрослыхъ.)

МОЖНО ВЫПИСЫВ. ИЗЪ ВСѢХЪ СТОЛИЧН. КН. МАГАЗИНОВЪ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

- Въ разные годы. Разказы. Ц. 75 к.
Живыя души. Очерки и разказы. Изд. 2-е. Въ 2-хъ томахъ (т. I: „Не герои“, т. II: „На чужомъ полѣ“). Ц. каждаго тома 1 р.
Свои-чужие. Романъ. Ц. 1 р.
Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Вчера и сегодня. Повѣсти и разказы. Издание 2-е. Ц. 1 р.
Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Издание 3-е. Ц. 1 р.
Господа-земцы. Очерки и картинки. Ц. 75 к.
Провинціальныя корреспонденты. Повѣсть и разказъ. Ц. 75 к.
Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Разказъ. Ц. 15 к.
Совѣсть проснулась. Разказъ. Изд. 3-е. Ц. 15 к.
Немудреное счастье. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Кто виновникъ убыли женской души? Этюдъ. Ц. 20 к.
Литература „маленькаго народа“. Критико-педагогическая бесѣда по вопросамъ дѣтской литературы. 2 вып. Ц. кажд. вып. 85 к.
Стихотворенія. Съ портр. и факсимиле автора. Издание второе. Ц. 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 25 к.
Старь и новь. Повѣсти, очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
Господа-крестьяне. Деревенскія силуэты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
Потрешенныя. Деревенскія силуэты. Ц. 50 к.
Вѣчевой городъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
Женскій Аюнь. Очерки историческаго уголка. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
Домна-ректорша. Повѣсть. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.
Страшный дядя. Разказъ. Ц. 15 к.
Веселыя похороны. Романъ. Ц. 1 р.
Нань отдыхалъ Иванъ Ивановичъ. Повѣсть. Ц. 50 к.
Старички. Разказъ. Ц. 15 к.
Чудесная свѣча. Сказъ. Ц. 15 к.
Нищие-богачи. Разказы. Ц. 50 к.
За сестру. Разказъ. Ц. 15 к.
Старцы Филимоны. Разказъ. Ц. 15 к.
Высокии гость. Повѣсть. Ц. 35 к.
Любовь и Истина. (Духовныя мотивы.) Стихотворенія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.
Вселенскіе учителя:
I. Василии Великии. Изд. 2-е. Ц. 30 к.
II. Григорій Богословъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
III. Іоанниъ Златоустъ. Изд. 2-е. Ц. 45 к.
Св. Николай Чудотворецъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
Изъ дневника православнаго мірянина. Ц. 30 к.
Кронштадтскіи пастырь. Очеркъ. Ц. 25 к.
Запросы духа. Размышленія православнаго мірянина. Ц. 50 к.
Задушевныя рѣчи. Бесѣды, странички изъ дневника и очерки. Ц. 50 к.
Въ чемъ счастье. Этюдъ. Ц. 10 к.
Въ Чайномъ царствѣ. Очерки китайской жизни. Ц. 1 р. (Подъ псевдонимомъ Амфилохій Устюжанскій.)

Сочиненія Анны Догановичъ.

Въ родномъ гнѣздѣ. Изъ семейной хроники. Ц. 75 к.
Вомка-дуракъ. Разсказъ. Издаше шестое. Съ рисунк. П. Ф. Яковлева и др. М. 1908 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 5-мъ издани) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1905 г., октябрь.)

Пчелиный доминокъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рисунками П. Литвиненко. Издание третье. М. 1906 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (во 2-мъ издани) въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младш. возраста, библ. средн. учебн. завед. и въ безплат. народныя читальни и библиот. (Журн. Мин. Народ. Просв. 1902 г., августъ.)

Старые и малые. Разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго. Издание третье. Съ портретомъ автора. М. 1907 г. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (во 2-мъ издани) въ ученическія библ. низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 г., августъ.)

Печальникъ земли русской. Историческая повѣсть. Для семейнаго и школьнаго чтенія. Съ рисунками В. Г. Курчевскаго. Издание четвертое. М. 1908 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библиот. городск. и двухклас. сельск. учил., а также для безпл. народ. читал. и библ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., октябрь.)

Ермакъ, покоритель Сибири. Для школьнаго и народнаго чтенія. Съ рисунками В. Г. Курчевскаго. Издание третье. М. 1909 г. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (во 2-мъ издани) въ ученич. библ. низш. учебныхъ завед., въ таковыя же, младш. возраста, библ. средн. учеб. зав. и въ безпл. народ. читальни и библ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., май.)

Любимчикъ. Исторія одного попугая. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками П. Ф. Яковлева. М. 1901 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Вася-Горбунъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго и др. Издание второе. М. 1910 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 1-мъ издани) въ ученич. библиот. низшихъ училищъ, въ таковыя же, младш. возр., библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. народныя читальни и библіотеки. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., августъ.)

Дѣдь Игнатъ. Разсказъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Съ рисун. В. Г. Курчевскаго. М. 1904 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г., июнь.)

Маша. Повѣсть. (А. Догановичъ и А. Круглова). Издаше третье. Съ рисунками. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Васильки. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія библ. низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 г., июнь.)

Пѣсенка маятника и другіе разсказы. Съ рисунками П. Ф. Яковлева. М. 1901 г. Ц. 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1902 г., январь.)

Три. Бытовые разсказы. М. 1906 г. Ц. 40 к.

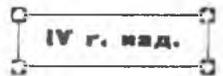
Наианунъ службы. Изъ записокъ фельдшерицы. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА

„СВѢТОЧЪ“

И

„Дневникъ Писателя“.

Иллюстрир. ежем. литературно-научный журналъ для всѣхъ подъ редакцией **А. В. Круглова**, при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакци **А. Н. Догановичъ**, при ближайшемъ участіи д-ра **В. К. Недзвецкаго** и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній допущенъ въ ротныя библиотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 авг. 1908 г. за № 18017.)

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (за № 536) допущенъ къ выпискѣ въ библиотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

„Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“ будетъ выходить подъ общей обложкой (но съ отдѣльной нумераціей страницъ) 1-го числа кажд. мѣсяца, при чемъ лѣтніе №№ за май-юнь, июль-августъ слитными книжками.

Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подписавшіеся въ разсрочку) въ 1910 году получать:

12 №№ иллюстрированнаго журнала „Свѣточъ“ и, какъ бесплатныя приложения:

12 №№ иллюстрированнаго журнала „Дневникъ Писателя“ (иллюстр. в. по текущимъ вопросамъ жизни, литературы и политики).

1 Сборникъ разсказовъ и очерковъ, подъ названіемъ „Потревоженные“.

10 портретовъ русскихъ поэтовъ (съ біогр. оч. и съ литер. характеристик.), что составить собою:

1 Литературно-художественный альбомъ, пригодный для каждой семьи и школы.

5 иллюстрированныхъ книжекъ „Дѣтской Библіотеки“.

Подписная цѣна на 1910 годъ.

	безъ доставки:	съ доставкой и пересылкой:
На годъ (со всѣми 16-ю приложениями)	3 р. 00 к.	4 р.
„ полгода (безъ приложения)	1 „ 80 „	2 „ 40 коп.
„ 3 мѣсяца безъ дост. не принимается		1 „

За границу только на годъ 6 р. 50 к.

Подписавшіеся въ разсрочку считаются какъ годовые и получаютъ всѣ приложения. Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. и къ 1-му марта 2 р. Невнесшимъ второго взноса (2 р.) къ 1-му марта — высылка мартовскаго № будетъ задержана до получения остальныхъ денегъ. Казенн. и обществ. учрежденіямъ, полковымъ бібліотекамъ допускается подписка въ кредитъ, если сдѣлана на официальномъ бланкѣ за подписью гг. казначеевъ и начальствующихъ лицъ, но къ 1-му марта всѣ подписавш. въ кредитъ должны сдѣлать взносы полностью.

Всѣ подписавш. на 10 экземпляръ. получаютъ 11-й бесплатно.

Подписку, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго пер., д. гр. Олсуфьевой, Издатель-редактору журн.: „Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“, Александру Васильевичу Круглову. Телефонъ редакци и конторы 83-00.

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**